

Беседы палача и сильги

Автор:

Дем Михайлов

Беседы палача и сильги

Дем Михайлов

Их встреча не больше чем случайность.

Но что случится, когда они продолжат путь вместе?

Он жизнью лишает. Она пытается чужие жизни сохранить...

Случайно встретившиеся палач и сильга отправляются в путешествие, что ведет их к туманным предгорьям величественного Трорна, где по слухам творится всякая чертовщина...

Кто знает к чему приведут их долгие дорожные беседы и куда заведут их древние пути и тропы...

Дем Михайлов

Беседы палача и сильги

Часть первая

Глава первая

Холодное время года я предпочитаю проводить в тепле. Особенно позднюю дождливую осень, снежную зиму и зябкое начало весны. Своего дома у меня нет, но старик Фрилор, владелец постоянного двора на окраине Элибура, всегда рад сдать мне небольшую угловую комнату на несколько месяцев по божеской цене. Добра ко мне и его жена Салия, милая улыбчивая старушка. Родных детей у них хватает – пятерых принесли они в этот мир, и ни один не умер в детстве, все благополучно выросли, а затем женились и повыходили замуж. Лишь двое остались в Элибуре, а остальные разъехались в иные городки и села. Но чуть что – вмиг примчатся по первому зову отца! Да и внуков постоянно к деду отсылают. Семья большая и дружная, забот хватает, без переживаний не обходится. Однако и на меня старикам хватает душевного тепла. Да и общего у нас предостаточно, хоть и гораздо младше я буду.

Мы с Фрилором любим читать хорошие книги, а также играть в вардокс на его старой потертой доске.

С хозяйкой мы одинаковы в умении готовить. Ну и помогаю я им вечерами, когда большой зал полон гостями и постояльцами. Ко мне-то у Фрилора доверие полное, часто оставляет меня хозяйничать за стойкой, а сам отправляется посидеть за столом со старыми знакомыми и опустошить пару кружек свежего эля.

Из своих разъездов часто привожу старые книги и свитки, новости, сплетни. Порой привожу встреченного в пути менестреля или же двух-трех музыкантов. Но не всегда получается договориться – стоит подобной публике завидеть меня, и они стремятся избежать разговора, а то и вовсе уходят от дороги подальше.

Почему? Ну, тут все просто. Меня зовут Рург. И я палач.

Это сразу заметно по вышитому на левой стороне моей куртки красному отпечатку большой ладони. За много шагов видна кровавая метка, коей отмечены люди моей профессии. На поясе топор с красным топорщиком, за плечами полторный меч с красной рукоятью. Вокруг правого предплечья обмотана красная веревка для удушения женщин – им кровь пускать нельзя. Для женщин только три участи – удушение веревкой, утопление и сожжение. Для

мужчин уготовано куда больше, и мужская кровь всегда течет рекой. Но я предпочитаю кончать дело быстро. Поэтому чаще всего отрубая головы. Мечом или топором. Тут уж зависит от благородства крови приговоренного к смерти. Коли из простолюдинов – пользуюсь топором. Коли из сословия повыше – мечом. И если придирчиво сосчитать – топору работать приходится куда чаще меча.

Таких, как я, немного. Платят нам щедро. Очень щедро. Но по вере нашей умерщвление преступников за деньги не что иное, как наемное убийство, а стало быть, ничем не оправдано кроме неизменной жажды наживы. То бишь палач лишь преумножает грехи свои – и грехи не абы какие, а крайне тяжкие, непростительные. И посему профессия сия не богоугодна, грязна и темна. Никто не хочет страдать после смерти в огненной тьме Раффадулла, где грешников истязают денно и нощно. После смерти туда мне и отправляться – в огненную тьму Раффадулла. Таким, как я, закрыта дорога в светлые храмы Лоссы. Мне никогда не получить благословение священника. А простой люд и мыслит просто – раз ему в храм нельзя, то он нелюдь темная и поганая. Посему и приют в чужом доме мне получить почти невозможно. Да и в сарай не пустят.

Вот поэтому я и не люблю путешествовать в холодные и слякотные времена года. Одно дело ночевать под кустом летней ночью, и совсем другое – трястись на ветру в зимнюю пору. Я люблю тепло. Сидеть у пылающего камина, прихлебывать из большого бокала горячее вино со специями и читать хорошую книгу – разве может быть что-то лучшего этого? Глубоко сомневаюсь. И потому, едва начинаются затяжные осенние дожди, я возвращаюсь в город Элибур, где и провожу почти шесть месяцев, ничего не делая и проживая накопленные за теплую пору деньги.

В летнее время трактир старика Фрилора обворовывали несколько раз. Хозяйство большое – поди уследи. В зимнее время не обнесли ни разу. Боятся. Что глупо. Если я и поймаю кого на воровстве, то отдам его страже, а те передадут судье, который и вынесет приговор. А за кражу курицы к смерти не приговаривают, так что меня бояться нечего. Но тут доводы разума не работают. К тому же Фрилору и лучше, что ворье мимо его трактира проходит. Опять же никакое отребье сюда не суется, к людям мирным не пристаёт, денег не вымогает и никаких темных делишек не проворачивает. Мелкие и обычно столь заносчивые дворяне резко притихают, стоит им увидеть меня сидящим в трактирном зале. Одна польза от моего здесь присутствия. Гости сплошь порядочные и обычные. Это ли не радость трактирщику?

Но этим прекрасным утром одного из последних летних дней на постоялом дворе появилась та, кого никак нельзя назвать обычной.

Сильга. Вот кто пожаловал в гости. Говорящая с призраками. Бесноватая.

Но начнем по порядку.

Этим утром я собирался в последнее путешествие года, что должно занять не больше шести-семи недель. Я объеду несколько десятков мелких и крупных поселений к западу отсюда в предгорьях Трорна. Местность там лесистая, чрезмерно холмистая, сплошь изрезанная сеткой речушек и ручьев, сбегających с седого горного хребта Трорна и спустя десятки лиг собирающихся вместе, чтобы дать начало великой реке Телее.

Встал я засветло, собрался, спустился в конюшню и проверил двух лошадей, что уже три года путешествуют со мной. Животные спокойные и хорошо обученные, выносливые и неспешные. Проверил и седельные сумки, убедившись, что вчера при сборах ничего не упустил. Скормил каждой лошади по яблоку и вернулся в трактирный зал, где меня ждал обильный завтрак из яичницы с беконом и блинов с медом. Сытные блюда.

Я уселся за стол, пододвинул тарелку, успел подцепить на вилку кусок яичницы. Вот тогда-то в зал и вошла сильга. В том, что это именно сильга, можно было не сомневаться – других женщин, разгуливающих в мужских штанах, поди поищи. Только сильги на такое и способны – одеться в мужской костюм, повесить на пояс меч с тонким длинным лезвием и свободно распустить волосы с вплетенными в них красными нитями. Сильга и есть.

Бросив на вошедшую девушку короткий взгляд, я отвернулся и продолжил наслаждаться вкусным завтраком. Желток лопнул во рту и растекся по языку, даря восхитительный вкус. В меру поперчен, в меру посолен. Да. В этом трактире умеют готовить правильную яичницу. В каждом деле есть свои тонкости. Мало просто раскалить на огне сковороду, растопить на ней кусок масла и разбить в него яйца.

Громыкнул отодвинутый стул, звякнул положенный на стол меч в зелено-красных ножнах, передо мной уселась его владелица сильга, уставившаяся на меня поверх упертых локтями в столешницу рук.

– Я слышала, ты отправляешься к предгорьям Трорна, палач.

– Возможно, – ответил я, старательно сдерживая недовольную гримасу, рвущуюся наружу.

Завтрак почти испорчен... яичница стремительно остывает.

– Позволь отправиться с тобой вместе.

Удивленно моргнув, я оторвал глаза от тарелки и взглянул на сильгу. Совсем молодая, ей чуть за двадцать. Лицо решительное, распущенные темные волосы бросают на ее глаза густую тень, отчего сильга кажется еще более усталой. Свободная белая рубашка и темная кожаная куртка не могут скрыть того, что она тоща, как бродячая кошка. Темно-зеленые глаза не отрываются от моей тарелки.

– Позволь угостить тебя завтраком, госпожа, – принял я решение.

– У меня есть деньги.

– Это лишь добрый жест, – повел я плечом и едва не уронил с вилки очередной кусок. – Здесь готовят лучшую яичницу.

– Но денег у меня мало, – тихо и смущенно кашлянула девушка.

Ясно. Повернув голову, я нащупал взглядом сонного трактирного служку и, показав ему на свою тарелку, дал знак принести еще порцию. Тот отправился на кухню, а я вновь взглянул на сильгу.

– Если добрая госпожа еще не заметила – я палач.

– Я уже назвала тебя так. И только слепой не увидит этого, – парировала та, указывая глазами на красную пятипалую метку на левой стороне груди моей куртки, еще одну на левом плече и на красную веревку, обвивающую правое предплечье.

- Путешествие в компании с наемным убийцей не может пойти на пользу юной деве.

- Пф, - фыркнула девушка, с полным пренебрежением отнесясь к моим словам. - Я сильга! Если чьей-то репутации и может повредить совместное путешествие, то только твоей, палач Рург.

- Ты знаешь мое имя.

- Все знают твое имя. И не только в этом городе. В других тоже. Палач Рург, проливший столько крови, что его ждет наполненная ужасной болью вечность в огненной тьме Раффадулла. И должна сказать - многие желают дожить до того дня, когда смогут прийти на твою могилу, плюнуть на надгробие и пожелать тебе вечных страданий. Видимо, их родственники или друзья успели познать остроту твоего меча или топора.

- Ты перехваливаешь меня, безымянная сильга.

- Мое имя Анутта. С двумя «т» в окончании. И моей репутации не повредит путешествие бок о бок с палачом. Ты знаешь, как говорят о нас в народе.

- Блудливые распутницы, шлюхи, шарлатанки, любительницы чужих мужей... Да, о вас говорят многое. Но не человеку с моей профессией судить о вас. Итак, сильга Анутта с двумя «т» в окончании. Почему ты желаешь путешествовать именно со мной? С кем ты путешествовала, до того как прибыла в славный город Элибур? И почему не хочешь продолжить путь вместе с торговцами, стражей или же наемным сопровождением? У меня есть право задать эти вопросы и получить ответы. Если ты так не считаешь, то я буду рад позавтракать с тобой, а затем мы распрощаемся.

- Ты назвал меня шарлатанкой и шлюхой, а теперь требуешь ответов?

- Я лишь поведал тебе о том, какая молва ходит о сильгах. Итак, Анутта, ты ответишь?

- Я прибыла в Элибур с востока, следуя по большому торговому тракту, начинающемуся от портового города Трумора, куда прибыла на корабле. На всем

протяжении пути по тракту я путешествовала вместе с большим торговым обозом, следующим в Элибур. И каждый вечер мне приходилось отражать похотливые атаки главного торгаша Люпона. Начал он с сальных намеков о том, как мягка его походная шелковая постель и как прохладен воздух в его шатре. Затем он перешел от намеков к действию, попытавшись как-то схватить меня за руку и затащить в свой шатер. Мне пришлось проткнуть ему руку и разбить лицо рукоятью меча, дабы доказать – я не желаю проводить ночи вместе с ним. Это случилось минувшей ночью. Три часа назад вышедший в дорогу затемно обоз достиг Элибура. По пути я случайно услышала о том, что в сем славном городе квартирует палач, счет чьих жертв давно перевалил за несколько сотен и продолжает прирастать. И что сегодня палач Рург Нагой Убийца отправляется в очередной кровавый поход. Не попрощавшись с похотливым торговцем, я отправилась напрямиком на постоялый двор.

– Люпон, – поморщился я.

Яичница сразу потеряла часть вкуса.

– Знаешь о нем? Твой друг? – два быстрых вопроса последовали один за другим.

Зеленые глаза сильги смотрели настороженно.

– Многие знают о нем, – ответил я, стараясь придерживаться нейтрального тона. – Он считает себя благодетелем и радетелем Элибура. Жертвует порой небольшие суммы в храм и городскую казну. О его неутолимой жажде ночных забав ходит много слухов. И нет – торговец Люпон не мой друг. Должен предупредить – он этого просто так не оставит, сильга. Ты унизила его перед всеми. Отвергла ухаживания, разбила лицо и нанесла рану. Он обязательно отомстит. Не сам, разумеется. И вряд ли станет нанимать убийц. Но судья Элибура его давний приятель. Мой тебе совет – покинь город немедленно. И скачи во весь опор. Местные стражи не станут преследовать тебя на расстояние больше пяти лиг. И не станут понукать лошадей на последних трех из этих пяти лиг.

– Даже так... От всего сердца благодарю за добрый совет.

Анутта церемонно наклонила голову и задумчиво уставилась на столешницу.

Тут ей принесли такой же завтрак, как у меня, и пока расставляли тарелки, над столом висело молчание. Я воспользовался этим, быстро расправившись с яичницей, прежде чем она окончательно остыла. Перейдя к десерту, я обмакнул деревянную ложку в плошку с медом и, намазывая гречишную сладость на блин, напомнил:

- Так куда же ты держишь путь? И почему хочешь отправиться со мной?

- Насчет тебя, палач Рург – твоя репутация скачет впереди тебя. Намного впереди. Мне понадобилось совсем немного времени, дабы узнать о тебе многое. Что ты жесткий, но не рубишь сгоряча. Что раньше был в солдатах, но, отслужив всего несколько лет, внезапно выбрал самую страшную жизненную стезю и стал палачом, в первый же год казнив сорок преступников. И никто не знает, что сподвигло тебя выбрать такую судьбу... Но ты продолжаешь лишать людей жизни уже много лет. Сколько тебе сейчас? Тридцать пять?

- Тридцать два.

- И сколько лет ты смотришь сверху вниз на прижатые к плахе головы преступников?

- Десять. И не всегда я смотрю на жертв сверху вниз. Бывает и наоборот – если кого-то требуется повесить в назидание прочим на самой высокой ветви самого высокого дерева окрест.

- Но всегда их жизни в твоих руках.

- Только потому, что они сами от нее отказались, пойдя на страшное преступление. Но этот философский диспут можно продолжать до бесконечности. Так почему именно я вдруг стал лучшим спутником для бродячей сильги?

- Ты умеешь пользоваться оружием, не боишься драки и ты надежен.

- Давно никто не отзывался так о палаче. И почему же ты не хочешь нанять пару воинов сопровождения? У нас спокойные места. Давно уж повывелись разбойники благодаря отрядам егерей. Почти не осталось крупных хищников,

могущих напасть на человека. Возможно, хватит даже одного умелого воина.

– С деньгами плохо, – коротко ответила сильга.

М-да...

Я всегда считал себя человеком серьезным и сдержанным. Старался принимать только обдуманные решения. И, если начистоту, мне совсем не хотелось путешествовать вместе с сильгой. Слишком уж они непостоянные создания, моя полная противоположность во всем. Я лишал жизней. А сильги жизни старались сохранить. Мы были схожи только в одном – и о палачах, и о сильгах ходила плохая молва.

Пережевывая последний блин, я как раз думал о том, как бы помягче отказать. Но ведущая с улицы дверь распахнулась слишком уж широко и быстро, прервав мои мысли. Кто-то сильно проголодался и мучается от жажды?

Нет. Тут если кто и голоден до чего, так это до мести.

Опухшее лицо торговца Люпона и раньше не могло похвастаться красотой, сейчас же – со сломанным носом и черными тенями под щелочками распухших глаз – он походил на смертельно больного или же запойного пьяницу, подравшегося вчера из-за пустяка. Лишь дорогая одежда противоречила сему образу. Вместе с Люпоном явились два городских стража. Молодые совсем парни. Явно смущены. Они знают, кого им придется арестовать и по чьему свидетельству. А из Люпона плохая жертва – его лицо лучится мстительной радостью и самодовольством. Хотя то и дело он морщится и хватается за перевязанную руку.

Сидящая сильга напряглась, ее ладонь упала на ножны меча. Вот дуреха. С оружием против стражи? Это серьезнейшее преступление. Пришлось ткнуть ее ногой под столом и сделать выразительные глаза. Девчонка вроде поняла и притихла, хотя ее глаза так и метали сердитые зеленые молнии.

– Кхм... – начал один из стражников, но короткий взмах моей руки заставил его снова закрыть рот и выжидательно на меня уставиться.

Стража зовут Вольх. Хороший парнишка – простой, недалекий, но честный.

– Люпон, – открыто улыбнулся я. – Тебе бы лекарю показаться. Нос придется вправлять.

– Вот упеку эту шлюху в каземат и сразу же пойду к лекарю, – зло ответил Люпон, бесстрашно буравя меня глазами-щелками.

– Ты упечешь? – уточнил я, делая упор на слово «ты».

– Городской судья, – кашлянул торговец, слегка сбавив обороты. – А я лишь поведал ему о совершенном на меня покушении.

– Даже так? Покушении на жизнь? Ведь не может же идти речь о покушении на твою честь или невинность...

Второй страж судорожно закашлялся, стараясь унять подступивший хохот.

– Это не твое дело, палач Рург, – побагровел Люпон. – Я в своем праве...

– Эй, – оборвал я его. – Не доходила ли до тебя весточка от твоего троюродного кузена Люфена? Того, что живет в небольшом городке Буллерейл в сорока лигах с небольшим к западу отсюда.

– Н-нет... кузен Люфен? Что с ним?

– Он допрыгался, – жестко ответил я. – Неужто еще не дошла весть? В моем путешествии, что начнется сегодня, я загляну и в городскую тюрьму Буллерейла, где повстречаюсь с твоим кузеном Люфеном, закованным в цепи и ожидающим моего прибытия. Затем я возьму большой нож и для начала оскоплю его. Отрежу его поганую мошонку и гнилой стручок, после чего брошу их в выгребную яму, где им самое место. Туда же отправится и его голова, но только после того, как я разрублю твоего кузена на части, начав при этом с ног. Люфен оказался насильником! Да каким! Успел надругаться над тремя, прежде чем сумели его изловить ночью порой и опознать. Так вот, торговец Люпон, я верю, что преступников надо наказывать при жизни, а не после смерти. Я не сторонник того, чтобы топить чьи-то останки в нечистотах. И если вот прямо

сейчас ты признаешь, что совершил ошибку в отношении доброй госпожи сильги Анутты, если ты извинишься перед ней за свою невольную клевету и обвинение, а затем вручишь ей несколько полновесных золотых монет... тогда я передам твоим родственникам все части мертвого тела Люфена. И передам их сразу, без окунания в выгребную яму.

– Я... н-но... что?! Люфена казнят?! – кажется, торговец впал в ступор.

Для него новость полностью неожиданная, что понятно – он много дней был в торговом путешествии, вернулся в Элибур только этим утром и, похоже, не заходя домой, поспешил поднять с постели городского судью. Боялся, что обидевшая его сильга упорхнет из города и потом ищи-свищи ее... дорог и тропинок много...

– Дважды предлагать не стану.

– Рукоятью меча по лицу, – прогундосил Люпон. – Пробила руку насквозь! И ведь ни за что... я всего лишь ухаживал!

– Твой кузен тоже так сказал – он лишь пытался ухаживать. Но его отвергли, и тогда он разозлился... а теперь я разрежу его живьем на части. И так?

Я не оставил ему выбора. Никакого выбора. Люпен и его родственники родом из тех селений, где надругательства над мертвыми останками – пусть даже заслуженные – неприемлемы. Бросить голову в нечистоты? Нет.

– Добрая госпожа сильга Анутта, – торговца словно переломили, и он согнулся в глубочайшем поклоне, едва не коснувшись лбом чисто вымытого пола. – Я приношу глубочайшие извинения. Злость затмила мой разум. Не ведал я что творю. Но сейчас ко мне вернулась чистота мышления, и я пребываю в полном ужасе от того, что едва не совершил непоправимую ошибку. Торжественно заявляю, что госпожа Анутта ни в чем не повинна передо мной. И прошу снисхождения своему поступку – в злости люди часто делают то, о чем потом горько сожалеют.

«Насколько велеречиво», – удивленно подумалось мне. Похоже, торговец мечтает однажды стать дворянином и не брезгует чтением книг во время долгих путешествий.

– Готов предстать перед судом, чистосердечно раскаяться и заплатить виру. Если же госпожа снизойдет к моим извинениям, то прошу принять этот скромный дар, – на лавку опустился небольшой тяжелый мешочек.

– Я принимаю извинения, – после небольшой паузы ответила сильга, и все облегченно выдохнули.

Дело решено благополучно.

Встав, я кивнул на прощание стоящему за трактирной стойкой старому Фрилору. Слова ни к чему. Мы успели попрощаться прошлым вечером, а говорить слова прощания перед самым отбытием... плохая это примета.

Стражи уже покинули постоялый двор. Уверен, вскоре по городу разнесется весть о случившемся. Но Люпон от этого не пострадает. Наоборот. Ради дальнего родича он смирил собственную гордыню и унял жажду мести. Осудят его несдержанность и жажду постельных утех, но похвалят его верность семье.

Проходя мимо торговца, я приостановился и тихо сказал:

– Смотри, Люпон. Сначала хватаешь за руку, затем тащишь силком в шатер... а потом приду я и сожму гордость твоих чресл в раскаленных клещах. Чуть охолони. Тебе ведь уже далеко за сорок.

– Тьма попутала... – хрипло отозвался тот. – Я бы сам никогда...

– Тьму не наказать. А вот тебя... помни о Люфене. Он будет уже второй из вашего рода, чью жизнь я прерву. И первый, твой двоюродный дядька Луцон, был мною сам знаешь за что подвергнут пыткам и казнен. Как посмотрят на вас люди, если каждый десятый из рода вашего был казнен за надругательства над женщинами... и мужчинами...

– Луцон позор рода нашего. И Люфен.

– Смотри, чтобы однажды так не сказали о тебе самом. Уймись.

– Рург... прояви милосердие к кузену моему Люфену, – торговец шептал едва слышно, судорожно вцепившись в рукав моей куртки. – Может, нажмешь на нож чуть посильнее? Заденешь лезвием толстую вену... Хлынет кровь... он умрет быстро... к чему пытаться приговоренного к смерти? Светлая Лосса... пощади душу Люфена...

Высвободив рукав, я молча шагнул мимо и вышел на солнечный двор. Двери расположенной слева конюшни распахнуты настежь, мальчишки выгребают навоз и таскают на вилах пучки соломы. Две моих лошади стоят там же.

Первым делом я повернулся к зданию постоялого двора и глубоко поклонился, благодаря за столь добрый приют. Прошептал положенные слова молитвы. И вновь повернувшись, зашагал к лошадям. Меня обогнала стройная сильга, спешащая чуть правее – там нетерпеливо переступала рыжая кобыла неплохих кровей.

– Я поеду с тобой, – на ходу бросила девушка.

Я промолчал. Не из согласия. Пусть проедет со мной десяток лиг. Вдруг Люпон не настолько рассудителен, как мне показалось? Каждого может настолько ослепить ярость и месть, что в голове не останется места для трезвого мышления. Каждый день на лесных и горных дорогах пропадают люди... а затем в чащах или среди холмов находят растерзанные диким зверьем останки... В каждом из нас есть что-то от бешеного лютого зверя...

Глава вторая

Беспрепятственно пройдя через западные врата Элибура, мы оказались на находящейся в прекрасном состоянии широкой дороге. В ведении городского губернатора находились десятки лиг дорог, шестнадцать мостов и две дюжины дозорных башен и досмотровых постов. И как человек часто и много путешествующий, могу твердо заявить – за всем этим имуществом следили отменно. Городская казна не расходуется впустую и не тратится на личные нужды кого-либо. За тем, как используется каждый государственный медяк, пристально наблюдают, а где возможно вообще стараются обходиться бесплатной рабочей силой, взятой с любой из трех местных тюрем и одной

каменоломни. Это еще одна причина, по которой мне столь нравится Элибур. Не из-за тюрем, само собой, а из-за умелого хозяйствования губернатора. В годы его затяжного правления не случилось потопов на улицах, не воняло нечистотами, бегущая через город река, давшая городу название, была настолько чистой, что из нее без опаски брали воду для кухонь. И рыба в ней не переводилась. Славно жить в таком городе. Жаль, что не везде так.

Поэтому мне всегда было радостно возвращаться в ставший почти родным за прошедшие годы город. Но сейчас рано об этом думать – ведь я удалялся от Элибура, а не возвращался к нему.

Да и мысли мои были заняты едущей чуть позади сильгой. Совместно мы преодолели пять лиг, и пока за нами не наблюдалось погони. Торговец Люпон внял голосу разума. Вскоре на нашем пути встретится деревня Лунора, выстроенная по обе стороны Западного Тракта. Там я намеревался плотно пообедать, выпить немного кофе, а затем распрощаться с неожиданной спутницей. Если встречу едущих на запад знакомых торговцев, попрошу их взять сильгу с собой и при этом не распускать руки и не давать волю похабному воображению. Не каждому мужчине по силам сдержаться, видя будто нарочно подчеркнутые штанами женские округлости достаточно умелой наездницы.

– Рург...

Анутта захлопнула книгу в мягкой кожаной обложке, закрыла крышечку медной походной чернильницы, висящей на луке седла, убрала перо в специальный костяной пенал и после столь долгой паузы, наконец-то продолжила:

– А почему тебя прозвали так странно? Рург Нагой Убийца...

– Тут нет тайны, – я невольно сморщился, почесал пальцем щеку. – Да и случилось давно.

– И все же?

– Что ты записываешь в ту книгу с чистыми листами? Походный дневник?

– Каждая сильга обязана вести хронику своих деяний, – ответила Анутта, опуская ладонь на закрытую книгу. – Описывать путь и земли, упоминать название городов и деревень. А также давать описание внешних черт и записывать имена тех, кто помог нам, обидел нас или же еще как оставил свой след в нашей жизни.

– То есть мое имя ты уже записала?

– Да. Только что, – девушка открыла книгу и прочла вслух: – Палач Рург Нагой Убийца. Тридцать два года от роду, но выглядит старше. Широкоплечий, высокий, темноволосый. Серые глаза с желтыми искорками – глаза волка. Его знают очень многие в местности к западу от портового города Трумора. Уже десять лет справляет службу походного палача. Пользуется уважением жителей города Элибур.

– Кратко и емко, – был вынужден признать я. – Хотя чересчур лестно.

– Будет еще лестней – я добавлю описание того, как ты защитил меня от клеветы и грозящего суда.

– Если я расскажу тебе историю возникновения моего прозвища – ты запишешь ее в свою книгу?

– Да.

– Давай поступим так – я рассказываю тебе историю, но ты ее не станешь записывать в свои хроники.

– М-м-м...

Анутта действительно задумалась, наморщила лоб, зеленые глаза чуть потускнели. Неужели это столь важное решение?

– Нет, – вынесла она вердикт. – Сознательное утаивание приведет к искажению и неполноте сведений.

– Неполноте сведений? – удивился я столь интересному сочетанию слов. – Не слишком ли ты молода для подобных фраз и знаний? Уж не на государственную ли стражу работаешь?

– И потому у меня нет денег, – парировала Сильга. – Нет, палач Рург, за моей спиной никого кроме нескольких сестер и бескрайних просторов мира.

– Хорошо сказано.

– Так ты расскажешь? Почему тебя прозвали Нагим Убийцей? Прозвище само заявляет о себе достаточно громко и ясно, но я не смею подумать, что одним прекрасным деньком ты вдруг сорвал с себя одежды и принялся убивать людей.

– Но так оно и случилось, – улыбнулся я. – Сильга Анутта, ты любишь моршанские яблоки? Это ранний сорт. Их только-только сорвали в одном из богатых плодовых садов Морши, что к югу отсюда. Затем бережно переложили яблоки соломой и на одной из повозок отправили в Элибур. Я купил их вчера на рынке...

– После столь красочного описания мне захотелось отправиться на юг к Морше и навестить тот самый сад. Да, я люблю яблоки.

Чуть придержав коня, я передал едущей рядом девушке пару налитых соком больших яблок, а в еще одно с хрустом вонзил зубы. Прожевав, утер губы тыльной стороной ладони и начал рассказывать:

– В истории с моим прозвищем нет ничего особенного. Случилось это лет шесть назад, одним прекрасным летним утром. Так же, как и сегодня, я следовал от Элибура по Западному Тракту. Ехал уже третий день. И после ночлега в деревне Норвилл, что совсем рядом со старым лесом Урумор, я собирался свернуть к северу, чтобы к вечеру оказаться в небольшом городке Винорье. Городок хоть и маленький, но старый и красивый, с очень интересными каменными зданиями, возведенными в незапамятные времена. Там же очень красивый парк с трехсотлетними дубами. Но в тот раз я ехал туда не ради любования деревьями и домами. Я отправился в Винорье, дабы жестоко пытаться, а затем отрубить голову некоему Генралу Густобровому, лесному разбойнику, изрядно пролившему людской крови на узких лесных тропинках леса Урумор. Генрал был главарем. И ночью пробрался в Винорье, откуда он родом, чтобы повидаться с престарелой мамой и оставить ей немного денег. Ему и невдомек было, что за

домом следят денно и ночью. Там его и повязали. Суд долго не думал. Для разбойника одна судьба уготована – дыба, агония, отсечение головы и насаживание ее на кол, где она будет торчать до тех пор, пока мертвое лицо окончательно не станет неузнаваемым. Таким приговор и оказался. Подельники Генрала прознали об этом и решили главаря освободить. Но сил у них было маловато: одно дело грабить редких путешественников и малые обозы, и совсем иное – нападать на городскую тюрьму, охраняемую умелой стражей. Поэтому они решили поднакопить силенок и злости. А чтобы не допустить смерти Генрала, для начала собрались покончить с палачом. Разослали на восток соглядатаев по всем дорогам. Те засели в трактирах, на постоянных дворах. И вскоре один из них меня и увидел – трудно не опознать палача в его рабочем облачении. Посланец разбойников поспешил вернуться в Урумор, где рассказал, что я остановился на ночлег в деревне Норвилл, а затем продолжу путь по Западному Тракту. На нем они мне и устроили засаду. Место выбрали с умом – старую вязовую рощу, стоящую особняком прямо посреди большой и длинной зеленой долины Фимоф Дол. На мою беду день выдался жарким. А за час до этого я помогал насадить слетевшее колесо на сельскую повозку и изрядно вспотел. В роще же, чуть в стороне от разрезающей ее дороги, есть небольшое безымянное озерцо с чистой и приятной на вкус водой. И я решил сойти с тракта и искупаться. Там меня разбойники и застали. Нагим и беззаботно плещущимся в озерце. Там же на берегу состоялась и наша схватка. Большую часть противников пришлось убить, они как остервенели и не желали сдаваться. Трех я сумел обезоружить и оглушить.

– Так тебя застали голым и безоружным? – уточнила Анутта.

– Да. Во время купания это обычное дело – оставлять одежду и оружие на берегу. Хотя не возьмусь утверждать, что так поступают все.

– Ты был один. А число разбойников?

– Тринадцать. Несчастливое число. Потому им, наверно, и не повезло в тот день.

– Тебя застали голым и без оружия. Ты дал им бой и вышел победителем против тринадцати врагов.

– Нет, – качнул я головой. – Победителем против одного бойца. Остальные двенадцать были обычным сбродом, никогда не обучавшимся обращению с

оружием. Овечье стадо многочисленно, но хватит одного волка, чтобы обратить овец в бегство.

- А ты волк?

- Это лишь горская поговорка. Ее испокон веков повторяют в предгорьях Трорна.

- Как ты поступил с теми, кого удалось взять в плен?

- Отвез в ближайший городок, сдал судье. А на обратном пути в Элибур заскочил туда на часик и казнил всех. К тому времени они уже признались во всех своих грехах и успели исповедаться сестре Лоссы.

- Сестры Лоссы, - неопределенно хмыкнула Анутта.

- Ты запишешь все это?

- Да. Эта история интересна. Так это выжившие после боя разбойники прозвали тебя Нагим Убийцей?

- Нет, - вновь улыбнулся я, и на этот раз в моей улыбке было много смущения. - Так уж случилось, что в той старой вязовой роще в то время был кое-кто еще - юная девица и ее воздыхатель, ускользнувшие с расположенного неподалеку хутора и пасеки. Они как раз решились перейти от жарких поцелуев к еще более жарким занятиям. Уютно расположились среди корней древнего вяза, парень едва взялся за завязки на блузке девицы, но тут их уединение нарушил вспотевший палач, решивший освежиться. Сначала им пришлось лицезреть его наготу, а затем стать свидетелям кровавого действия.

- Вот как... А тебе откуда знать о том, что там была девица с парнем?

- Когда появилось прозвище Нагой Убийца, я стал доискиваться до источника сплетен, - пожал я плечами. - И постепенно добрался до хутора. Что ж, я рассказал все как есть. Теперь твоя очередь, сильга Анутта. Куда ты держишь путь?

– Это не тайна. Две луны назад ушей старших среди нас достиг слух о том, что где-то в предгорьях Трорна нескольких жителей внезапно настиг сильный душевный недуг. Название того селения в слухе не приводилось. И все слишком уж сильно напоминает выдумку. Я знаю лишь примерное направление. Когда углублюсь в предгорья – начну задавать вопросы. А ответы на них поведут меня дальше.

– Несколько жителей внезапно настиг сильный душевный недуг... – повторил я, покатав слова на языке также, как впервые пробуют незнакомое питье. – И что же необычного в сумасшествии?

– Я забыла упомянуть о крохотной детали, палач Рург – душевный недуг поразил всех троих в один и тот же день. В один и тот же час. И случилось все в одном и том же селении.

– Я понял, – медленно кивнул я.

Любой может спятить. По разным причинам. Сильное потрясение, врожденный порок. Но этого никогда не случается с несколькими людьми разом. Да еще в одном селении. Хотя...

– Не было ли там пожара? – осведомился я. – Мне доводилось слышать об одном случае, когда полыхнул большой пожар и целая деревня сгорела дотла. Многие погибли в тот черный день. А двое – две женщины, потерявшие детей в безжалостном огне – разом сошли с ума. Их отдали позднее в храмовую лечебницу под покровительством Лоссы. Там они находятся и по сей день.

– Большое и ужасное переживание способно сокрушить даже самый сильный разум, – подтвердила сильга. – Бывает, что ужас потрясения одерживает победу над двумя или тремя людьми сразу. Потому я и говорю об этом так осторожно, палач Рург. Поэтому и называю это душевным недугом. А не одержимостью или же чем иным.

– Похвальная осторожность в суждениях, – заметил я. – До тех пор, пока нам по пути, ты можешь путешествовать вместе со мной, сильга Анутта. Но учти – быть может, тебе самой этого не захочется.

– Почему же?

– Причин много. Первая вот она, – я легким кивком указал на десяток деревенских повозок, груженных мешками, медленно тянущихся навстречу и мимо нас.

Везут овощи и фрукты в Элибур. К вечеру будут там. Завтра с первыми лучами рассвета все ими привезенное уже окажется на прилавках, и начнется битва между продавцами и крикливыми домохозяйками, старающимися сбересть каждый медяк. Разумно и бережливо вести хозяйство – это вам не шутка.

Но я имел в виду не пучки зелени, укрытые мешковиной. И уж точно не задорно-красную редиску.

Возницы. В них дело. На каждой повозке по одному-два седока. И все они старательно смотрят куда угодно, но только не на меня. Можно ли не заметить рослого всадника с обилием красных пятен на одежде и оружии? Можно, если сильно этого захотеть.

– И это самая малая неприятность, – тихо усмехнулся я, прекратив смотреть на крестьян к их безмерному облегчению. – В незнакомых трактирах и постоянных дворах есть приходится так быстро, что едва не давишься. А иначе никак – стоит мне туда зайти, как посетителей словно ураганом сносит с мест. Если же и остаются, то в воздухе повисает напряженное гнетущее молчание. Никто не пьет и не ест. Все смотрят в пол. Поэтому я предпочитаю заходить с черного входа и заказывать еду там, чтобы съесть ее на вольном воздухе, что не так уж и плохо, коли нет дождя и холодного ветра. Но тогда можно укрыться в сарае. А затем наступает вечер. Вот-вот окончательно стемнеет. Но никто не желает тебя приютить на ночь. Разве что снова в сарае. Да и то с великой неохотой. Не отказывают лишь из боязни – мало кто смеет глядеть в глаза палачу. Поэтому, сильга Анутта, предупреждаю – в путешествии со мной тебе уготовано много неприятного. Люди станут коситься и избегать; завтракать, обедать и ужинать придется под открытым небом, да и спать там же. Поэтому я предпочитаю путешествовать только в теплые времена года. Или хотя бы не морозные.

– Знаешь, палач Рург, если бы ты не упоминал постоянно свое имя, то я бы подумала, что ты описываешь один из дней моей жизни. Хотя нет. Тут не хватает кое-чего. Вот если бы ты добавил презрительных и ревнивых женских взглядов, попыток домогательства от мужчин, а также частых угроз и грязных обещаний – вот тогда ты бы описал день из моей жизни.

– Тебе приходится куда хуже меня, – вынужден был я признать. – Меня избегают. Но не проклинают – разве что родственники тех, кого я должен пытать и казнить по долгу своей работы. И уж точно никто меня не домогается, не бросает сальных взглядов и не делает грязных намеков.

– Хм... Палач Рург... отрезать людям носы и уши, выкорчевывать с мясом и кровью гордость мужских чресл, вспаривать животы, ломать хребты, отрубать конечности и делать многое другое... каково это?

– Тяжело, – ответил я. – Однажды мне пришлось заниматься этим делом целую весеннюю неделю без продыху. Я казнил и казнил, пытал и пытал, калечил и калечил. Спустя семь дней хотелось самому положить свою голову на плаху и попросить кого-нибудь опустить на мою шею топор.

– И почему не положил?

– Помог бочонок недурного эля, – усмехнулся я. – Хмель часто спасает. Но еще чаще я казнь приговорённых из-за того, что хмель пробуждает в людях скрытые пороки, что с глумливым хохотом вырываются наружу и завладевают рассудком бедняг. Наутро такой человек просыпается в тюремной камере и с ужасом видит, что его одежда и руки в крови и что из-за решетки на него со страхом смотрят люди... А затем прихожу я и завершаю его жизненную историю ударом топора.

– И почему же ты продолжаешь убивать? – сильга будто и не услышала прочих моих слов. – Деньги? Привык? Не умеешь ничего другого? Или тебе нравится обрывать чужие жизненные нити?

– Или все это вместе взятое... Нет, сильга. Причина проста – кто-то должен этим заниматься. Иначе жди беды.

– Беды? Что-то случилось? В прошлом? И это заставило тебя стать палачом?

– Хватит обо мне, – устало ответил я, тщательно скрывая подступившее раздражение от чересчур назойливых расспросов. Сильгам неведома учтивость и деликатность? Они ко всем в душу лезут напролом? – Давай лучше о тебе. Почему ты решила стать сильгой?

– В отличие от тебя, палач, нам не дано выбирать собственную судьбу, – зеленые темные глаза взглянули на меня и сползли на дорогу. – Не нам решать. Коли ты родился с этим даром – тебе уготовано лишь три дороги. Одна ведет к становлению сильгой. Другая напрямик на кладбище, где просто появится еще одна крохотная детская могилка. И третий путь – в лечебницу для душевнобольных. Навсегда. Ведь нельзя излечиться от того, что болезнью не является. Это дар. Самый ненавистный дар из возможных. Такой, что уже называется проклятьем.

– Видимо, и я невзначай угодил в больное место, – вздохнул я, снимая с пояса вместительную кожаную флягу. – Выпей.

– Эль в такое время дня?

– Это не эль.

– Вино?

– Можно и так сказать. Слабенькое крыжовое вино. Сладкое.

– Сладкое – это хорошо.

На этот раз в зеленых глазах плеснулась детская радость. И легкий испуг, таящийся в самой глубине – а вдруг не дадут? Вдруг посмеются и заберут...

Флягу я отдал. Некоторое время мы ехали молча. Анутта распробовала на самом деле очень слабое вино и жадно припала к горлышку фляги. Крыжовое вино не пьянит. Надо выпить очень много, чтобы услышать шум в голове. А вот бодрит оно отменно. Стряхивает сонливость. Дарит благодушие и терпеливость.

Убирая изрядно полегчавшую флягу обратно на пояс, я спросил:

– Поэтому ты и расспрашиваешь других людей о том, что заставило их выбрать ту или иную жизненную дорожку?

– Да. А ты умный, палач Рург. Все верно. Мне очень интересно, как люди делают выбор. Ведь у меня самой выбора никогда не было.

– Могу тебя утешить, сильга, – на этот раз я не улыбался. – Большая часть людей не выбирает. Они просто плывут по течению жизни как бревна на лесосплаве.

– Ты и правда умный.

И вновь я не отреагировал на добрые слова. Я промолчал. А затем раздался голос сильги:

– Я все же запишу твою историю про старую вязовую рощу и безымянное озерцо. И про двух юных свидетелей.

– Дело твое, – вздохнул я, глядя, как Анутта вновь открывает колпачок медной чернильницы и костяной пенал для перьев.

Ей явно нравится делать записи в толстой книге. Интересно, разрешит ли она мне прочесть свои хроники? Вряд ли...

Оставшись без собеседника, я невольно задумался о сильгах и их сестринстве Сильгалла. Закрытая строгая женская община, живущая по своим уставам и порядкам. Никто им не указ кроме короля – до тех пор, пока они не нарушают мирские законы. Тогда их судят по общим законам. Сумей торговец Люпон добиться своего и огульно обвинить сильгу – ее бы ждало суровое наказание. Тюрьма, может быть, публичная порка. Большой денежный штраф.

Анутта не солгала про свой дар и про свое проклятье. Я слышал об этом раньше, но не знал, правдивы ли слухи. Оказалось – да, правдивы. Сильги не имеют выбора. Их судьба предрешена при рождении. Очень и очень редко рождаются девочки с особым врожденным даром. Там все окутано туманом, непосвященным людям мало что известно, а сами сильги про это распространяться не желают. Поэтому я и не стал расспрашивать. Но поговаривают, что сильги могут видеть духов и даже разговаривать с ними. Могут призывать и прогонять их.

Я достоверно знаю о случае, когда одна из сильг, прибывшая в Элибур, сумела разбудить проспавшего семь месяцев человека. Его никто не мог добудить.

Что с ним только не делали несчастные родичи – били по щекам, кололи иголками, растирали водой горячей и ледяной, оставляли на морозе, обжигали пятки головней. Ему вливали в горло бульоны и настойки, давали различные лекарства, мыли его, брили ему лицо и убирали за ним. А он продолжал спать. Если это можно назвать сном – лицо его было искажено дикой гримасой ужаса, будто он увидел нечто кошмарное. А затем в комнату зашла сильга, занавесила окна и зеркала, закрыла плотно двери. Провела там час и вышла обратно. Вся побелевшая, с черными тенями под глазами, шатаясь и держась рукой за стену. А за ее спиной слышался слабый мужской голос, недоуменно спрашивающий о том, что происходит. Сильга получила положенную плату и ушла. На вопросы отвечать не стала. Тут же нашлись злые языки, утверждавшие, что она либо знала лекарство, могущее пробудить от мертвого сна, либо больной и сам бы проснулся, а она просто угадала нужный момент. Ну или же что она изначально и навела на него темные сонные чары, и сама же от них избавила.

Как на самом деле все было, не знал и до сих пор не знает никто. А пробудившийся от семимесячного сна бедолага ничего не помнит. Его память окутана туманом.

В этом суть жизни сильг. Туман. Все окутано непроницаемым туманом. Они внезапными и незванными гостями прибывают к тому или иному дому. Излечивают людей. Иногда у них не получается. Им платят по-разному. Часть денег они вроде бы оставляют себе, остальное доставляют в сестринство Сильгаллы.

Все остальное – ничем не подтвержденные слухи. Даже свидетельствами надежных людей.

Мы миновали старый дубовый столб, глубоко врытый на обочине тракта. Указатель говорил, что мы в ста больших шагах от околицы придорожной деревни Лунора, где всегда рады проезжим гостям.

– Пообедаем в трактире, сильга Анутта?

– Угощаешь? – зеленые глаза смотрели пыливо и спокойно.

– Угощаю, – согласился я, пряча невольную улыбку.

Но моя попытка не удалась, и щеки Анутты явственно покраснели, налились румянцем смущения. Ее рука коснулась пояса – за него, ничуть не пытаясь скрыть, в самом начале пути она переложила полученные от Люпона золотые монеты. Это очень большая сумма для наших мест. Отличную дойную корову можно купить за одну серебряную монету, а в самой отдаленной от Элибура западной деревне в придачу добавят молодую козу. Люпон явно выложил кошелек не глядя, пребывая в смятенных чувствах от боли в ранах, моего вмешательства и душевного потрясения при получении известия о том, что его кузена оскопят и четвертуют. Сейчас он, небось, опомнился и зубами скрежещет, жалея, что потерял такие деньжища. А может и нет – Люпон не настолько уж и скуп. Сиротский городской дом не зря считает его своим благодетелем. Вот ведь завыка какая с душами людскими. О сиротках торговец Люпон заботится, не жалея средств, а одинокую девчонку-путешественницу попытался затащить в свой шатер и распустил руки...

В любом случае Анутта в один миг стала довольно обеспеченной девушкой. У деревенских девиц приданое в пять-шесть раз меньше. Но она явно не желала тратить деньги.

– Буду рад угостить, – повторил я. – Прибереги деньги на черный день. Я слышал, многие из вас пребывают на грани если не нищеты, то бедности.

– Деньги редко падают в наши протянутые ладони, – вздохнула сильга, глядя на меня благодарным взглядом. – Спасибо за понимание. Из этих монет мне достанется немного. Как только смогу попасть в ближайшее представительство Королевского банка, внесу большую часть золота на счет сестринства. Остаток разделю на три части. Одну часть оставляю себе, а оставшиеся две отправятся на общий счет шести сильг. Я одна из них.

– Вы помогаете друг другу....

– Да. Скоро зима. Мы тоже не очень-то любим ночевать на улице в холодное время года. Нам нравится теплая одежда, сытная еда, надежное и уютное место для сна. Для всего этого нужны деньги. И мы стараемся как можем, чтобы во время дождей и холодов не познать горестей из-за безденежья. Но за последний десяток недель я не положила на общий счет ни единой медной монеты...

– Черная полоса?

– Скорее черное болото невезения, – понурила голову девчонка. – Мои пять подружек-сестер не скажут плохого слова. Но...

– Но на душе кошки скребут, – кивнул я. – Я понимаю, сильга Анутта. На самом деле понимаю. В этом мне повезло куда больше тебя – всегда найдутся преступившие закон и заслужившие пытки и смерть. Надобность в моих услугах не пропадет до скончания веков, и, почитай, в каждом селении всегда найдется для меня работа. Поэтому я могу себе позволить угостить тебя несколько раз без ущерба для кошелька. И еще. Хочу, чтобы ты внимательно выслушала следующие мои слова и не сомневалась в их искренности и правдивости. Хорошо?

– Я выслушаю тебя, палач Рург, – склонила голову Анутта.

– Все что я делаю – не накладывает на тебя ни малейших обязательств, – медленно и четко проговорил я. – Ты ничего не должна мне. И я не стану пытаться забраться тебе под юбку... – тут я запнулся, наткнувшись взглядом на ее ладно сидящие штаны и поправился: – не стану пытаться забраться тебе в штаны, сильга. Все что я делаю – я делаю просто так. Ты мне ничего не должна.

– Я поняла и поверила, палач Рург.

Ее церемонность в некоторых случаях казалась частью некоего этикета сильг. Вежливого, но холодного. Я не возражал. Взглянув на меня в упор, девушка добавила:

– Спасибо. На самом деле спасибо.

– Не за что, сильга Анутта, – ответил я, останавливая лошадь перед гостеприимно распахнутыми воротами постоянного двора Щуков Суп. – Советую заказать рыбацкую уху с красноперками и улитками. Ее здесь готовят просто божественно. Но перед ней стоит отведать щавелевой похлебки – она замечательно разжигает аппетит, не занимает много места в желудке и не тяготит его.

– Сколько познаний...

– Уже долгие годы я путешествую этими дорогами. Поверь – я знаю, где в этих местах вкусно кормят, а где просто зря переводят продукты.

– А разве щавель не для лечения от слабости живота пользуют?

– Щавель многим хорош. А в правильной похлебке он просто превосходен.

– Что ж. Положусь на твой опыт, палач Рург.

– Весьма польщен доверием.

– Ох...

Вышедший из дверей бревенчатого приземистого здания невысокий крепыш при виде меня неловко ступил и сверзился со ступенек, тяжело рухнув на утопанную землю. Охнув еще раз, он приподнялся, утер кровь с разбитой при падении брови и сокрушенно простонал:

– Прибыл уже... значит, сегодня Феникла и отпоем.

В воздухе повис отчетливый запах крепкого перегара. Не рановато ли для возлияний? Солнце в зените...

– Ого, – удивилась сильга, успевшая спешиться. – Так ты не просто проездом?

– Похоже, что так, – с не меньшим удивлением отозвался я, спускаясь с седла. – Видать, сыскалась работа. Но я не слышал о том, что в деревне меня ожидает приговоренный...

Глава третья

Страж Лавр заслуженно гордился многим.

Ухоженными усами, обрамляющими рот и спускающимися ниже подбородка. Густой, несмотря на возраст, седой шевелюрой, горшком вздымающейся над головой, и длинной гривой, ниспадающей на загривок. Тихим местом службы в придорожной деревне, где умелый страж никогда не останется голодным, да и домочадцы его будут накормлены, напоены и одеты. А семья у Лавра немаленькая – дюжина детей, старшие давно уж оженились. И всем помогать надо.

Но Лавр закон чтит. Посему хоть и брал порой невеликую мзду с проезжающих торговцев, но меру знал, не зарывался, за порядком в селении следил строго и нарушителей спокойствия карал жестко. Причем карать предпочитал самостоятельно – благо рука по-прежнему крепка, а палок в округе хватало. Местные Лавра уважали. Серьезных случаев тут хватало. Чаще всего драки и смертоубийства. Кражи редкость великая. Свой у своего не украдет. Разве что заезжий какой вор стянет чего со двора или скотину уведет.

А вот убийства – часто. Больших драк – не счесть. Деревня-то придорожная, одних постоянных дворов целых четыре и пятый уже строится. Шесть харчевен. В каждом заведении вино и эль не переводятся. Пей вволю – коли денежная мошна не пуста. А чем больше пьешь, тем большим задирой становишься, вспыхнуть можешь от малейшего пустяка, на словесный упрек ответишь ударом кулака или выхваченным из-за голенища ножом. Потому стражники покоя вечерами не знали. И почти всегда успевали задавить драку в зародыше, не допустив ее разрастания в кровавую битву, когда о пьяные лихие головы разбиваются бутылки, лавки и прочая утварь трактирная. Утром же проспавшиеся зачинщики обнаруживали себя прикованными к большому круглому камню на обочине дороги недалеко от околицы Луноры. В камень вделаны толстые железные кольца, к ним хмельных удалцов и приковывали. Там они и отсыпались на ночном холодке – а он знатно хмель из дурных голов выгоняет. По пробуждении отпускались, уплатив немалую деньгу за учиненный беспорядок и доставленные стражам хлопоты. Платили с благодарностью – понимали забияки поостывшие, что, быть может, об большой беде местные блюстители порядка их уберегли. Никому не хотелось становиться убийцей по пьяному делу.

В общем – Лавр свое дело знал отменно. У такого не забалуешь.

Он и сейчас был полностью спокоен, сидя за столом под придорожным навесом и задумчиво поглядывая на стоящую поодаль сильгу, осматривающую свою рыжую

верховую кобылу.

– Кончить надо голубчика, – развел руками Лавр. – Чего тянуть? Хотел его отправить в Элибур, чтобы прямо в твои руки и попал поганец. А тут ты и сам в гости явился. Так что уж извини – обед мы тебе чуток подпортим.

– Не в этом дело, – ответил я. – Судил его кто?

– Проезжий высокородный. Он как раз ужинал, когда мы Феникла повязали. А сегодня утром задержался он на часок, выслушал все как есть и вынес решение. Приговорил не раздумывая. Как по мне – все верно он решил. Таких сразу давить надо.

Я молча кивнул и протянул руку. Лавр вытащил из-под локтя толстый лист серой бумаги и протянул его мне. Вердикт. Бегло пробежав текст глазами и внимательнейшим образом изучив восковой оттиск печатки от перстня и витиеватую подпись, я кивнул еще раз. Все верно. Все по всем правилам.

По-военному четким и лаконичным почерком удостоверено, что проживающий в деревне Лунора горшечник Феникл был уличен, а затем чистосердечно и полностью признал свою вину в том, что лишил жизни больше десятка ни в чем неповинных людей. Засим приговорен к смертной казни посредством усекновения головы. Столь милостивая смерть дарована по причине того, что суд сомневается в полной душевной здравости Феникла горшечника из деревни Лунора.

– Больше десяти человек, – с легким изумлением проговорил я вслух. – Как так?

– Исподтишка и не один год, – сокрушенно пробормотал Лавр, впервые на моей памяти теряя самоуверенность.

Ну да – на доверенной ему земле не один год убивали людей, а он про то и не ведал. Есть отчего схватиться за голову. Особенно для столь опытного стража, служившего много лет.

– Как не замечали пропажу людей? – спросил я, зная, что мне ответят.

Не из обязанности. Просто Лавр знал меня, а я знал его. К чему кобениться?

– Пропажу? Хе! – покрутил головой страж. – Куда там! Каждого несчастного тотчас же находили – лежащим на грязном полу трактира после очередной общей драки. Он ох и хитер! Исподтишка убивал – всем, что под руку попадет, но только не ножом. Кровь старался не пускать. Ты только послушай, что творил, стервец...

Все оказалось просто и умно. Феникл, местный уроженец, убивал часто и с удовольствием. Убивал не кого-то особенного, а того, кто удачно под руку подвернется. Почитай, каждый вечер горшечник вместе с друзьями усаживался в углу трактирного зала и вволю веселился, выпивая несколько кружек эля, обсуждая с приятелями проезжих гостей, масть лошадей, загруженность торговых повозок и прочее.

При этом Феникл с большим нетерпением и надеждой ждал, когда вспыхнет очередная бессмысленная пьяная драка. И когда схватка разгоряченных выпивкой мужчин вовлекала в себя весь зал, вот тогда-то Феникл потихоньку и заползал на четвереньках в гущу событий, действуя как хитрая и мерзкая змея. Чаще всего он натыкался на уже выбывшего из драки удальца, подбирающего с полу выбитые зубы или с мычанием зажимающего разбитый нос. Вокруг все носятся, кричат, машут кулаками и ничего не видят кроме искаженных лиц противников и дыма от жировых светильников и камина. Никто не смотрит под ноги.

Тогда-то и наносился один смертельный удар. Редко два. Чем-нибудь твердым и увесистым. Иногда острым. Оторванная ножка стула, вилка, целая или разбитая бутылка. Последним орудием – разбитой бутылкой – Фениклу нравилось работать больше всего. Коротким сильным ударом горшечник вбивал скалящуюся остриями битого стекла бутылку прямо в загривок пьяного гостя. Бил чуть ниже затылка, стараясь вонзить поглубже да так, чтобы крови поменьше было. А затем Феникл быстро возвращался обратно к друзьям, выпрямлялся во весь рост, после чего начинал с громкими воплями всех унимать, растаскивать обессилевших израненных драчунов и выводить их во двор – охолонуть и успокоиться. Еще и подоспевшим стражникам помогал. Достойный муж, что всегда пьет в меру и всегда готов помочь в благом деле.

Попался Феникл случайно. Один из его друзей в тот вечер захватил с собой малолетнего сына. Тот забрался под стол и все вечерние часы просидел там,

играя с грубо выструганными деревянными фигурками коней и воинов. Когда началась драка, малек остался там же. И вот он-то и увидел, как дядька Феникл сначала отбил от подобранной с пола бутылки донышко, а затем вонзил стеклянные зубья в затылок упавшему на пол дяде извозчику, держащемуся за окровавленное лицо.

Позже рассказал об увиденном отцу. А у того брат в стражниках. Так дошло до Лавра. А тот прекрасно помнил, что в минувший вечер не обошлось без смертоубийства. И убийцу не нашли – а как найти? В трактирном зале, почитай, под сотню народу сошлось в драке лихой. Переломанные руки и ноги, выбитые челюсти, зияющие проломы в зубных рядах, вырванные клочья волос и свернутые носы. Половина из драчунов вовсе ничего не помнит. В подобных случаях всем назначается денежная вира. Собранные немалые деньги складываются в особый крепкий мешок, что отправляется к родственникам убиенного. А что делать? Не всех же драчунов казнить? Те же всем скопом отправляются в храм – возможный страшный грех замаливать.

А тут, на тебе, подробность какая мерзкая и страшная – дядя Феникл бутылкой разбитой ударил. Подбежал аки зверь лютый на четвереньках и ударил без раздумий. Глаза сверкают, рот в слюнявой ухмылке кривится... мальчонка ведь живо все описал и показал в лицах. Очень уж был он потрясен увиденным...

Феникла взяли тотчас. Начали спрашивать, да, само собой, без нескольких тычков и пощечин дело не обошлось. Взялись за него круто. Тот молчал. Пришлось надавить сильнее... и вот тогда-то горшечник и начал говорить. Все думали, он кого-то из мести порешил – застарелая обида или еще что. А оказалось, что он стольких подобным образом на тот свет отправил, что и сосчитать уж не может. Но больше десятка точно... ведь не меньше трех-четырех раз в год он вот так вот душу свою гнилую тешил...

– Тьма... – покачал я пораженно головой, выслушав рассказ Лавра.

– Кромешная! – подтвердил тот. – А ведь я каждый день с ним за руку здоровался. Вся посуда в доме моем из-под его рук вышла – горшечник ведь знатный он! Жена как узнала – все разбила. В овраг отнесла и о камни, о камни! В осколки мелкие. Все до последней миски. Сегодня из корыта деревянного есть станем.

– Да лучше уж из корыта...

– И то верно... И вот ведь что забавно – он не ради выгоды людишек жизни лишал! Карманы не обирал, пуговиц серебряных не срезал, амулетов и медальонов с шей не срывал. Ради чего убивал? Как по мне – потехи ради. Зверь лютый, до крови жадный.

– Я хочу поговорить с ним.

Мы с Лавром удивленно повернулись и воззрились на неслышно подошедшую Анутту. Сильга и не думала скрывать, что услышала каждое слово из нашего разговора. Лавр видел, как мы вместе с ней шли бок о бок. Стало быть, понимал, что она со мной. Потому не стал сразу возвышать голос и посылать неподобающим образом одетую девку куда подальше. Лишь прошелся взглядом по стройным ногам, не скрытым подолом длинной юбки, крякнул неодобрительно, после чего спросил:

– Для чего? Хотя... лучше и не спрашивать. Хочешь поговорить с убийцей – дело твое. Но для него разницы не будет. Палач без работы не останется.

– Феникл будет казнен, – подтвердил я. – Причем незамедлительно.

– Это не займет много времени.

– Тем лучше, – пожал плечами Лавр и встал. – Пойдемте. Провожу вас до места. Но зря время потратишь, сильга. Тут и так все ясно – зверь внутри него сидит до крови жадный. Душевного покоя не дает, требует и требует убийства вершить. Такое не лечится. Один лишь путь – на тот свет. А там уже светлая Лосса рассудит, куда его определить, хотя как по мне, не избежать ему вечного копчения в огненной тьме Раффадулла.

– Звери разные бывают, – ровным тоном ответила Анутта, шагая чуть позади нас. – Некоторые рождаются в душах. А некоторые приходят туда позже...

– Сказки все это, – отмахнулся Лавр, не скрывая пренебрежения.

Я промолчал. Лишь снял с пояса перчатки из окрашенной в красный цвет толстой кожи с нашитыми бляшками из красной меди. И на ходу принялся их надевать. Топор править нужды не было – он у меня всегда острый, за инструментом слежу добросовестно, ибо нет ничего более позорного для палача, чем не суметь отсечь голову одним ударом – конечно, если не было указания намеренно лишь надрубить позвонки, но не перерубать горло. Дабы у приговоренного тело навсегда омертвело и слушаться перестало к ужасу его дикому...

Феникл был прикован к тому самому круглому камню у обочины. Цепями к «похмельному» валуну, как любя называли сей немалый булыжник в деревне. В десяти шагах стояли два стража, старательно не глядя на прикованного. Еще бы – они ведь не раз с ним выпивали, смеялись, сидели бок о бок на скамьях во время деревенских праздников, принимали у него помощь и покупали вышедшую из его рук глиняную посуду. А тут вона как все обернулось...

Когда мы подошли, горшечник лежал на боку в скрюченной позе. Словно почувствовавший скорую смерть больной зверь. Заслышав наши шаги, приподнял голову и повел глазами. И первым делом увидел меня. Его глаза намертво приковало к красной метке на моей груди. Нижняя челюсть мелкими дрожжащими рывками поползла вниз, послышался прерывистый свистящий вздох, тут же сменившийся долгим и протяжным скулением. Феникл неловко вскочил, но короткая цепь рванула его вниз, и он рухнул на колени.

Подойдя еще на шаг, я с громким хлопком свел ладони перед его носом. Скулеж резко прервался, горшечник покорно замер.

– Уже поздно бояться, – громко и четко произнес я. – Теперь поздно. Тебя ждет лишь одна судьба, и поверь – учитывая твои мерзкие деяния, она к тебе слишком добра.

– Не хочу умирать, – Феникл взглянул на меня снизу вверх. – Возьмите в солдаты! Всю жизнь служить буду! В каменоломни возьмите! В рудники! Я сильный! Выносливый! Отработаю! Искуплю!

Подступила сильга.

– Посмотри сюда.

Перед лицом дрожащего мужчины мелькнула длинная цепочка с нанизанным на нее округлым медальоном, сейчас раскрытым. Я не увидел, что находится внутри. А вот горшечник увидел... но бросил лишь короткий взгляд и вновь сосредоточился на мне, вкладывая в голос – в свое единственное оружие и средство спасения – все имеющиеся у него силы:

– Я сильный! Работящий!

Я заметил лежащий среди травинок округлый белый камешек и не поленился нагнуться и подобрать его. Стряхнул с камня налипшую почву. Бережно погладил. Рассмотрел матовую поверхность с редкими бурыми вкраплениями. Обычный камешек, разве что слишком уж округлый для этого места – далековато от ближайшей реки или ручья. Как сюда попал?

– Все, – Анутта развернулась, защелкнула медальон и пошла обратно к деревне. – Палач Рург, буду ждать тебя на постоялом дворе.

Вздыхнув, я неловко дернул ладонью и уронил на землю находку. Уронил прямо перед Фениклом. Указав пальцем, велел:

– Подай.

– Конечно, господин Рург! Конечно! – горшечник дернул головой вниз, зашарил взглядом по траве, ища белый камешек. Уронив ладонь на пояс, я шагнул вперед и чуть в сторону. Резко развернулся.

Спустя миг голова Феникла слетела с плеч и с глухим стуком ударилась о землю. Хлынул поток крови.

– Приговор исполнен, – произнес я, встретившись взглядом с Лавром.

– И я свидетель тому, – совершенно ровным голосом ответил старший страж, досадливо косясь на одного из помощников, вцепившегося рукой в захрустевшее деревце.

– Загляну за платой после обеда, – добавил я и неспешно пошел вслед за сильгой, бережно протирая лезвие топора вынутой из кармана тряпкой.

– Буду ждать. Удар у тебя мастерский.

– А камешек ваш, господин палач, – захлебывающимся булькающим голосом донеслось мне вслед.

Тот самый молодой страж, кому поплохело при виде свершения казни.

– Зачем он мне? – не оборачиваясь ответил я.

– Луфс! – с досадой проворчал Лавр. – Ты совсем дурак? Для отвлечения тот камень был, дурная твоя голова! Палач проявил милость. Казнил в один миг. Феникл и не понял, что уже умер. Ш-шах! И он уже там, у ног Светлой Лоссы, готовится ответ давать за деяния свои. Да разве сумеет он достойный ответ дать? У, мерзость! Прямиком во Тьму его! У кого ключ от кандалов? И притащите рогожу какую-нибудь, чтобы тело прикрыть. А затем дуйте за телегой. Свезем его до родного дома.

– Так семья его еще утром собралась и прочь подалась. Пустой двор... вещи бросили, скотину и птицу оставили. Убежали...

– А ты бы не убежал? Муж и отец убийцей кровавым оказался. Как людям в глаза смотреть? Ох... ну и денек. Тащите уже рогожу... Так... погоди, а кто ж тогда отпевание оплатит, коли его родные сбегли? Не мы же...

Голоса стражников затихли, я же убрал топор на пояс, сложил и спрятал тряпку, стянул перчатки.

Дело сделано.

Теперь можно и отобедать.

* * *

– Так ты и живешь?

Вопрос был мягкий, но неожиданный. Анутта умела делать это в совершенстве – долгое время пребывать в молчании, находиться в объятьях собственных раздумий, а затем вдруг повернуть к тебе голову и задать тихий, но отчетливый вопрос.

– Так и живу, – согласился я.

– Путешествуешь от селения к селению и обрываешь жизни...

– Да. Я палач. Кто-то сажает редьку, кто-то подковывает лошадей, выписывает указы, собирает налоги или строит дома. А я казнь преступников.

Я был рад поддержать беседу. Не скрою – меня никогда не тяготило молчаливое одиночество. У палача редко бывают попутчики – разве что вынужденные. Так и с теми не поговорить. Трудно разговаривать с трясущимся от страха старым крестьянином или же мелким торговцем, когда их заметно «екает» от страха при малейшем моем движении.

А однажды, когда я слишком резко повернулся в седле к идущему рядом бродячему седому кузнецу, так тот бухнулся на колени и внезапно признался в совершенном десятилетиях назад убийстве по неосторожности. Вырвался молоток из потной юношеской ладони и, вылетев в дверь, угодил прямо в висок семенящей куда-то старушке. Много ли надо старой? Дунь разок – и преставится. А тут молоток.... Сердешная померла на месте, а паренек ринулся бежать. Да так и бежит с тех пор, бродя от селения к селению, за гроши выполняя кузнечную работу или помогая тамошним кузнецам как молотобоец.

Но все же я не молчун по своей натуре. Если беседа интересна – я буду рад поддержать ее в меру сил.

– У каждого своя работа, – повторила Анутта мои слова. – Расскажи мне о своей, палач Рург.

– Ты уже сама все сказала – езжу от селения к селению и казнь людей. Другие не могут – грех смертный. Никто не хочет после смерти оказаться в огненной тьме. Все мечтают о прохладе горных лугов Лоссы.

– А ты? Не боишься? Скольких ты убил?

– Казнил, – поправил я.

– Одно и то же...

– Нет, – не согласился я. – Я не выношу приговор. Это делает судья. Он решает судьбу преступника, он держит его жизнь на ладони. И если его вердикт смерть... то уже не изменить ничего. Если не я – придет другой палач. И выполнит приговор.

– На Высшем Суде такие отговорки не примут.

– Откуда тебе знать? – парировал я.

– Жизнь священна. Прервавший ее – грешен. Великий грех, что не смыть никаким покаянием.

– Я не силен в диспутах о вере и грехах.

Я прикрыл глаза, ощущая сонливость, что вполне понятно – после столь сытного обеда и большого кубка вина, что я осушил стоя и в несколько больших глотков. Вино мне преподнесли жители Луноры. В благодарность за быстроту, неожиданность и правильность моего удара. Давняя традиция таким образом благодарить палача за хорошо проделанную работу. И за милосердие. Ведь можно и придержать руку, дать жертве ощутить всю полноту чудовищной боли.

Феникл умер слишком легко. Не ощутил почти ничего. Краткая вспышка боли, быстро приближающаяся к лицу земля, а затем милосердная темнота – и все. Он не заслужил такой легкой смерти. Но раз уж были подозрения на душевный недуг – я сделал поблажку и дал ему умереть легко. И жители меня отблагодарили. Да, он убийца, подлый и жестокий убийца. Но он здесь свой. Один из них. Они преломляли вместе хлеб, пили пиво, радовались успешным родам и скорбели об умерших. Он здесь свой...

– Прости, – вздохнула Анутта.

Я тихо рассмеялся и покачал головой. Заглянув в ее недоумевающие зеленые глаза, пояснил:

- Не подумай, что я не хочу об этом говорить, потому что меня страшат беседы о неминуемой смерти и о том, что я предстану пред Высшим Судом, что незамедлительно упечет меня в огненную тьму Раффадулла. Вовсе нет. Просто эта тема немного скучна... и давно уже нещадно избита.

- Ладно... тогда просто расскажи о работе странствующего палача...

- Ну... тогда меняем мою историю на твою. Я расскажу тебе о жизни палача, а ты мне о жизни сильги. Мы оба странники и оба понимаем ценность дорожной беседы. Это будет почти честно.

- Почти?

- Ну, услышанную от меня историю ты запишешь в свою толстую книгу, в которой еще немало чистых листов, как я успел заметить. Затем, когда передаешь книгу сестринству, другие сильги, а может и еще кто-то, смогут прочесть историю про палача. Ведь так?

- Да, - после краткого раздумья, кивнула сильга. - Смогут. Но ведь и ты можешь кому-то рассказать услышанную от меня историю. Рассказы чаще всего передаются устами, а не при помощи гусиного пера, испачканного в чернилах.

- Со временем устная повесть обрастает множеством придуманных деталей и перестает быть достоверной, - парировал я удар.

- А книга может сгореть в огне или размокнуть в реке, еще до того как я доставлю ее в сестринство. Тогда как людская молва и дальше будет носить над реками и полями мою историю.

- Хорошо, - покорился я, решив не продолжать спор, могущий оказаться бесконечным - при равных по уму спорщиках так обычно и случается. - Тогда слушай. Хотя должен сразу разочаровать - нет в нашей работе ни капли того мрачного очарования, что обычно ей приписывается. И палачи не купаются в крови своей сотой жертвы, не вымачивают в ней инструменты, не совершают

прочих диковинных и порой мерзких обрядов, что приписывает нам столь восхваляемая тобою людская молва. И нет, не имеем мы дарованного королем права возлегать с приговоренной к смерти женщиной. Мы просто выполняем свою работу на совесть, а возложена она нас лишь по одной причине – никто ее делать ни за какие деньги не намерен. Боятся. Мало кто решится пресечь чужую жизнь вот так...

Странствующие палачи – это издержки веры в Светлую Лоссу, что не приемлет убийства – за редким исключением, где каждый муж будет прощен, если обороняет родной дом от убийц, насильников и прочих. Каждый будет прощен, если защищает собственную жизнь, ибо жизнь есть великая ценность, дарованной Лоссой, и защищать ее надобно, ибо таким даром пренебрегать никак нельзя. Борись за жизнь! Борись на смертном ложе, борись на ратном поле, борись, борись!..

Всегда будет прощен и солдат, что не имеет собственной воли, что вынужден покоряться приказу старших и разить врагов насмерть. Убийство по случайности – тут уж никто не виноват. Как обвинить того же бродячего кузнеца, из чьей усталой мокрой руки ненароком выскользнул убивший старушку молоток? Такое может случиться даже с праведником – каждому известна история про восходящего к храму праведника, оскользнувшегося, сорвавшегося с узкой горной тропы, упавшего и убившего своим падением другого праведника. Выживший от горя хотел разбить голову о камень, но снизошедшая Светлая Лосса утешила его и пояснила – нет в случившемся его вины...

Можно смело прервать жизнь человека, заболевшего узороморьем – страшной заразной напастью, при которой на коже больных проявляются очень необычные красивые узоры. Когда узоры накрывают большую часть тела, заболевший резко слабеет, а затем начинается столь страшная боль, что от нее нет спасения. Лекарства от узороморья не существует. Болезнь известна долгие века, и за прошедшие столетия не удалось спасти ни единого зараженного. Мучительная агония длится днями. И поистине – куда милосерднее убить, чем позволять безвинной душе корчиться в страшных муках.

И все. Лишь в этих случаях Светлая Лосса дает послабление. Лишь в этих случаях причинение смерти не является великим грехом, наказываемым отправкой в огненную тьму. А огненная тьма Раффадулла... как говорят сестры Лоссы, страшной того места во вселенной не существует.

Поэтому лишь некоторые безумцы решаются на то, чтобы убить. Наемные убийцы, отпетые разбойники, верящие лишь в золото наемники, просто безумцы или же ревнивые мужья и жены. А еще палачи. Причем именно последние грешат больше всего.

Пусть они получают плату за пролитие крови, что приравнивает их к наемникам. Но убивают изо дня в день, убивают постоянно, убивают до глубокой старости, в то время как уцелевшие в боях наемники рано уходят на покой. Хотя и тем не замолить страшный грех смертоубийства ради корысти.

Но...

Палачи совсем другое дело. Они не просто убивают. Зачастую они причиняют приговорённым столь страшные страдания, что те от боли сходят с ума. И это возводит грех палачей-истязателей на еще более высокую ступень.

Но и смерть жертвы еще не конец. Часто палачи оскверняют останки – отрубая головы, конечности, разрубают торс, вспарывают животы и крючьями вытаскивают внутренности, обрубают уши и носы, дробят ребра и сдирают кожу. И это лишь малая часть...

Чем страшнее преступление – тем страшнее наказание. В назидание!

Дабы другим неповадно было!

Но сестры Лоссы воспринимают это иначе – ведь над мертвыми телами издеваться нельзя. Мертвое тело надлежит омыть, завернуть в чистый белый саван, положить в деревянный гроб, отпеть в храме, а затем похоронить в светлое время дня. После смерти с тела нельзя остричь ни волоска, ни ногтя. Ибо оно уже не принадлежит живым. Такова наша священная вера. А палачу плевать – он будет кромсать труп беспощадно, а затем насадит отрубленную голову на кол и оставит так гнить на долгие дни... Грех! Ужасный грех! Великий грех! На такую гнусность способны лишь... да никто кроме палачей и безумных преступников, не могущих жить без проливания чужой крови.

И потому палачи редкость.

Бывает на сотни лиг вокруг лишь один палач. И палач всегда нарасхват – людишек много, они грешат и заслуживают наказания. И потому надобность в палаче не отпадает. Ведь только он согласится оборвать чужую жизнь. Стражи преступника могут найти, могут его немного прижать, доказать его вину, отдать дело судье, а тот уже вынесет приговор. Но жизни они никого лишать не станут. Никто не хочет обрекать бессмертную душу на вечные страдания.

Этим и кормятся такие, как я. Палачи схожи с бродячими лудильщиками и кузнецами. Только те починяют, а мы избирательно пропалываем людской род. Бродим и бродим мы меж деревнями и городками. Стоит проехать по главной улице или дороге, а там уж все просто – навстречу выскакивает парочка стражей, и сразу становится ясно, что здесь есть работа. Вездесущие детишки тотчас опознают в чужаке палача – порой еще раньше стражей прознают о госте востроглазые – и мчатся оповещать о прибывшем законном убийце и страшном грешнике, чья душа отправится в ад. И вскоре раздается дикий вой приговоренного к смерти заключенного, понявшего, что дни его сочтены и жизнь его оборвется уже сегодня. Некоторые тотчас кончают жизнь самоубийством, тем самым лишая палача заработка. Но это случается редко – отнятие даже собственной жизни приравнивается к убийству. Грех.

Поначалу, в первые годы, подобное отношение к нему не оставляет палача равнодушным. Кого-то злит или раздражает, кому-то даже тешит самолюбие общий страх, но и это со временем приедается. Я помню, как к концу первого года своей палаческой жизни постоянно глядел в небо, надеясь увидеть густые дождевые тучи – ведь тогда придется накинуть плащ, а он хоть и несет на себе метки палача, все же не так приметен, как остальная моя одежда. А затем приходит тусклое равнодушие, и тебя перестает заботить отношение окружающих. Опять же рано или поздно любому палачу повезет отыскать тех, кто не станет относиться к нему как к прокаженному. И вот этот крохотный круг светлых знакомцев и даже друзей и будет спасать отнимающего жизни от полного одиночества.

Повисшую после моей размеренно лившейся истории тишину нарушили несколько удивленные и даже разочарованные слова сильги:

– И... все? Из этого и складывается жизнь палача? Равнодушие, привычное одиночество, долгие молчаливые путешествия...

– Все так.

- И больше ничего?

- Ну почему же, - улыбнулся я. - Со временем узнаешь, в каких харчевнях и постоянных дворах готовят самые вкусные блюда...

- Уж прости, что перебиваю... но я спрашивала не об этом! Ты описываешь жизнь обычного...

- Человека?

- Да!

- Но я и есть человек.

- Ты хитришь, палач Рург!

- Нисколько...

- Ты описываешь свою жизнь так мирно... но ведь ты не бродячий лекарь и не паломник. Ты палач!

- Да. И что?

- Что может быть мирного в твоём деле? - сильга возмущенно выпрямилась в седле, уперла кулаки в обтянутые штанами бедра, и я поспешно отвел взгляд от ее приподнявшей рубаху груди. - Я... я ожидала услышать что угодно, но только не описание твоей безмятежной дорожной скуки!

- Ты как все. Ждешь от меня историй о том, как я кромсаю и убиваю, - понимающе кивнул я. - Ты ждешь от меня страшилок. Ты хочешь услышать морозящие кожу и кровь рабочие палаческие истории.

- И это тоже!

- Но моя жизнь складывается не из этого, - пожал я плечами. - Моя жизнь - это стелящийся и стелящийся бесконечный узор дорог и тропинок. Не зря палачей

порой называют пауками, ведь переплетенья дорог – наши паутины, а мы, услышав дрожанье нити, спешим на этот зов, чтобы оборвать жизнь поповшейся мошки и получить за это свои кровавые деньги.

– Ух! Вот это уже звучит лучше! Куда лучше! Прямо просится на страницы моей книги.

– К чему подыскивать звучные слова, сильга? Пиши, как есть. Без прикрас.

– Так ты так и говоришь, – удивительно звонко рассмеялась сильга и тут же смущенно кашлянула, отворачиваясь и нарочито внимательно глядя на тянущиеся по обочине дороги красные турмосы – удивительно неприхотливые цветы, что первыми просыпались весной и последними засыпали осенью.

Кашлянув еще пару раз, сильга убрала выбившуюся прядь волос обратно за ухо, потербила одну из свисающих вдоль щек красных нитей и все же не сдержалась:

– Ну все же, почему ты стал палачом, Рург? Может, ты с юности хотел вызывать страх и уважение у простых смертных?

Настала моя очередь фыркать и смеяться, но, в отличие от сильги, я этого не скрывал и рдеющими турмосами любоваться не стал. Сумев справиться с приступом смеха, я утер глаза и покачал головой:

– Глупости... меньше всего я желаю чьего-то там страха и уважения. Хотя... отчасти это ложь. Иногда я испытываю злость и намеренно причиняю особую боль тем из перепуганных приговоренных, кто совершил особо мерзкое деяние.

– И никакие деньги его родичей, что всегда видят в звере любимое чадо, тебя не остановят, палач? Не смягчат твою руку?

– Не остановят. Не смягчат, – ответил я, легко выдержав испытующий взгляд девчонки. – Ты умна, сильга.

– Ого... какие неожиданно приятные слова...

Я опять качнул головой:

- Это не в радость тебе, сильга Анутта. Порой ум и пытливость только во вред. Куда проще жить... проще...

- Проще жить проще? Ха!

- Отвык от долгих разговоров, - усмехнулся я и, глянув на начавшее пасмурно темнеть небо, поправил плащ и ткнул пятками сапог в лошадиные бока. - Поторопимся. Есть тут неподалеку вместительный придорожный амбар с навесами...

- Ты мастерски ускользаешь от ответов, палач.

- А ты мастерски задаешь их снова и снова.

- Хлеб для сильги - дорога, соль для сильги - беседы.

Я промолчал, привычно скользя взором по зажавшим дорогу оберегаемым хвойным лесам. Места здесь мирные, но осторожность никогда не бывает лишней. Даже для палача с красными метками на одежде. И уж точно не для тощей как бродячая кошка сильги.

Амбар был построен на совесть. Бревенчатая крепкая постройка с островерхой дерновой крышей, что по здешнему обычаю установлена на высокие дубовые чурбаны, была окружена широкими навесами, под которыми легко могли укрыться лошади и повозки. Ну и путники, конечно, коих застала на дороге непогода или ночь. Я был давно знаком с приглядывающим за амбаром крепким дедком, что и в зимнюю стужу, и в летний зной не снимал старенького овечьего полушубка и облезлой шапки. Он, как и оберегаемый им амбар, что стоял на границе обширных полей, был родом из селения Торбачи. Раз в год, после жатвы и обмолота в примыкающей сзади риге, когда амбар был полон, сюда ненадолго съезжались местные скупщики, что после быстрых торгов со старостой селения заключали сделки, грузились и убывали. А старик оставался. Как и его две собаки. Крупный полудикий пес Злой и мелкая пятнистая собачонка Шалая, что вечно путалась под ногами.

Как раз Шалая и отлетела с визгом в сторону от небрежного пинка по-городскому одетого парня в модной нынче широкополой шляпе с полосатым пером, что никак не годилась для защиты от дождя из-за частых дыр в полях.

- Не тронь собачку! - зашпешивший на шум старик Бутрос торопливо замахал руками, призывая скулящую собаку.

- Да сама под ноги лезет! - рыкнул в ответ горожанин. - Тварь шелудивая!

Подведя лошадь ближе, я спешил, приземлившись правым сапогом аккуратно на его опрометчиво отставленную туфлю с загнутым носком.

- Ай! - совсем по-бабьи взвизгнул парень и, выдернув отдавленную ногу, запрыгал на другой.

- Не лезь под ноги, - буркнул я, берясь за поводья и шагая к навесу.

Не выдержав моего взгляда, горожанин опустил побагровевшее лицо и... вздрогнул, только сейчас разглядев красную метку на моем плаще. Ну да... испугался крупного мужика, а затем вдвойне испугался, опознав во мне палача. Но с чего бояться, если не совершил ничего дурного?

- Как здоровье, Бутрос? - спросил я у заулыбавшегося мне старика.

- Да пока кряхчу помаленьку! И собачки живы, хотя Шалая совсем уж дурная стала на старости лет...

- Ну и славно, - улыбнулся я в ответ. - Приютишь? Дождь вот-вот...

- Ливанет как следует, - закивал старик, указывая на боковой навес, чья крыша сплошь поросла турмосами. - Располагайся, Рург. Ох ты... - только сейчас он разглядел спешившуюся рядом со мной девушку и понял, кто она, судя по округлившимся от изумления глазам. - Не иначе как дорожная блудница? Ой... - закашлявшись, захлопав себя по тощим ляжкам, он согнулся и поспешил прочь, явно изнемогая от невероятной силы смущения.

– Правы те люди, кто говорит, что старики с годами как дети становятся, – вздохнула Сильга, поправляя ножны меча. – Что на уме – то на языке.

– Поспешим, – сказал я, коротко глянув на совсем уж потемневшее небо. – Не хочется промокнуть. А Бутрос... он старик душевный, простой и с судьбой надломленной. Его жену и детей убил обезумевший бродячий торговец, что напросился к ним на постой. Сам Бутрос получил три удара топором в спину и один в голову. Упал замертво... и только поэтому и выжил. Выхаживали его всем селением, а как поправился – в старом доме жить больше не захотел и ушел жить сюда, в придорожный амбар.

– Святая Лосса... – зеленые глаза остановившейся Сильги скользнули по суетливо бегающему вокруг прибывшей тяжелой повозки старику. – Я знаю немало подобных историй, и все же каждый раз царапает по сердцу. Бедный старик...

– Годы прошли, – пожал я плечами. – Душевные раны немного затянулись. Но знаю, что в родные Торбачи он навещается лишь четыре раза в год – на дни рождения погибших родных, чтобы посидеть у их могил. И на праздник общего поминовения, когда под осенней красной опадающей листвой засыпающих кленов выставляют столы и в больших котлах готовят особую густую мясную похлебку. Я пробовал. Очень вкусно...

– Мне надо с ним поговорить.

– Зачем беречь почти зажившее? – поморщился я, разом пожалев о своей болтливости.

– Я не сказала что хочу, – на этот раз зеленые кошачьи глаза смотрели с укором. – Я сказала «надо». Ты ведь понимаешь разницу, палач Рург?

– Тебя интересует тот бродячий торговец?

– Да. Знаешь что-нибудь?

– После совершения столь страшного деяния он ненадолго пришел в себя и, обливаясь слезами, окровавленный, побежал к дому старосты. Добудился, признался в содеянном, сдался им на руки, позволил себя связать и –

перепуганный, трясущийся – выл весь остаток ночи напролет. Серым рассветным утром его поспешно погрузили на повозку и отправили в город – дабы деревенские не осквернили себя самосудом и смертным грехом. Еще через день торговец покаялся в убийстве, отбыл неделю в городской тюрьме и был подвергнут калечащим пыткам, после чего обезглавлен. Тело похоронено в неуказанном месте. Но я догадываюсь, где искалеченный убийца нашел свой последний покой. Все имущество убийцы было продано, деньги пошли в пользу Бутроса, но ему они без надобности – он довольствуется крайне малым.

– Мне надо с ним поговорить, – повторила Анутта. – Но я не хочу беречь его душу, не хочу пугать... Помогите мне, Рург. Попросите его просто рассказать, как все было.

– Как убивали его родных? Еще раз повернуть нож в сердечной ране?

– Нет же! До этого! Я хочу знать обо всем, что случилось до того, как бродячий торговец вдруг обезумел и взялся за топор.

Ненадолго задумавшись, я неспешно снимал с лошади седло, в то время как другая, вьючная, нетерпеливо тыкалась мне в затылок мордой, требуя поторопиться. У старого Бутроса всегда находилось для них что-нибудь вкусное, и лошади это помнили.

– Хорошо, – наконец кивнул я. – Я попрошу. Но не сейчас. Пусть начнется и закончится дождь. Пусть уедут все, кто собрался переждать ненастье. Потом я помогу Бутросу навести порядок, угощу его остатками вина из своих запасов и попрошу рассказать ту давнюю историю. Но...

– Но?

– Но я сделаю это все только в том случае, если ты скажешь мне, что все это не забавы ради. Что все это не ради того, чтобы потешить свои чувства мрачной былью, и не ради того, чтобы записать очередную историю в твой дорожный дневник.

– Палач Рург... – ладонями проведя себя по волосам, сильга потрянула ими, будто сбрасывая брызги еще не начавшегося дождя, и медленно произнесла: – Я бы никогда не стала беречь плохо зажившую душу этого старика ради забавы.

Поверь мне.

Выдержав паузу, я кивнул:

– Хорошо. А теперь поторопимся. Не хочется намокнуть уже в самом начале путешествия.

Отвернувшись друг от друга, мы занялись ремнями и пряжками, а поднявшийся ветер прижимал к земле траву, срывал красные лепестки турмосов и гнал их прочь по пыльной дороге. Вместе с ветром пришел запах приближающегося ливня, и мы заспешили сильнее, но все же не успели и втащили седельную поклажу и сами седла уже под теплым дождем, оставив на время радостно фыркающих лошадей трясти пыльными гривами и стремительно намокать. Дождь надолго – я знал это благодаря большому опыту путешествий и потому, оказавшись в сухости, торопиться перестал совершенно, начав основательно располагаться под боковым навесом, где имелась невеликая глиняная печурка и запас хвороста. Разложив свое одеяло, вытащил из седельной сумки тяжелый чугунный чайничек с едва различимым затейливым узором. По привычке бережно проведя ладонью по выпуклому узору, тяжело вздохнул, вспоминая заплаканные глаза его прежней владелицы, чей сын по глупости, безотцовщине и пьянству сполна заслужил всю ниспосланную ему кару. Жизнь его пощадить я не мог, но умер паренек безболезненно. Чайник мне подарили уже позднее – заплаканная мать передала через подружку в качестве благодарности за мое понимание. Тем же вечером безутешная мать совершила страшный грех, наложив на себя руки. Ее нашли повешенной, и чайник я так и не сумел вернуть. Оставил себе, чтобы во время бескровных ночлегов заваривать в нем чай и не забывать...

Растопив печь, убедившись, что вещи в сухости, я накинул на голову капюшон плаща и вышел под дождь. Нилла далась легко, а вот озорную Нарлу пришлось поуготоваривать, прежде чем она согласилась наконец войти под навес. Хорошенько растерев лошадей пучками сена, привязал к мордам торбы, сыпанул туда овса и поспешил к закипевшему чайничку. Люблю я эту мирную рутину, что приносит успокоение разуму... Вот я уже и почти забыл того трактирного убийцу с перепуганным темным взглядом запавших глаз.

Обиходившая свою лошадь сильга опустилась на соломенный сноп напротив, накинула на колени одеяло, с наслаждением зарыла босые омытые из деревянного ковшика ступни в сухое сено и затихла, с намеком глядя на чайник

и помахивая у колена небольшим тканевым мешочком.

- Что там?

- Сухой шиповник. Дикий. Лесной.

- Пара ягод будет в самый раз, - одобрительно улыбнулся я, протягивая руку. - Позволь угостить тебя чаем, сильга Анутта.

- Приму с благодарностью, - девушка церемонно склонила голову. - Может, все же расскажешь, почему ты решил стать палачом? Погляди - даже погода дала нам передышку в пути.

- Нет у меня особых причин. Разве что...

Разливая дымящийся чай по медным чашкам, каждая из которых имела свою собственную историю и была найдена мной в разных местах, хотя обе они вышли из рук одного мастера медника, я задумался было, но...

- Разве «что»?

Тихое, но настойчивое напоминание сильги заставило меня оторваться от не слишком приятных воспоминаний о далеком прошлом и окунуться в куда более темные и еще более отдаленные от сегодняшнего дня омуты памяти:

- Несправедливость... глумление... жестокая смерть солдат...

- Я... я не понимаю... - с лица девушки исчезла улыбка, а во взгляде возникла тревожность. - Но я чувствую твою боль... всплеск душевной боли... Послушай, Рург... хоть про сильг и говорят, что мы питаемся праздным любопытством, если это слишком личное для тебя...

- Нет, - я успокаивающе улыбнулся и сам уселся поудобней, прижавшись спиной к старым потемнелым чурбакам, что бережно хранились под навесом. - Нет... Это было давно. Не знаю, приходилось ли тебе ее слышать, но есть одна старая горская поговорка... - помедлив, я убедился, что помню ее правильно, и неспешно проговорил вслух: - В землях без смерти на плахе все больше и

больше голодных сирот.

– В землях без смерти на плахе все больше и больше сирот, – медленно повторила сильга, и на ее прикрытых одеялом коленях словно сама собой возникла раскрытая книга в кожаном переплете. – Не слышала... и мне не нравится это присловье... веет от него каким-то холодом...

– Страшное присловье, – согласился я и, сделав небольшой глоток обжигающего чая, глядя на перекусывающих овсом лошадей, начал вспоминать: – Впервые я столкнулся с людской гибелью на поле брани. Я был солдатом. Новобранцем. В солдаты я не рвался, но выбора мне не оставили... и пришлось надевать белосиние цвета. Семнадцатилетняя война Рубинового Венца и Сапфировой Короны...

– Она унесла так много жизней...

Я горько усмехнулся:

– О да... все мои друзья детства очутились в числе погибших. Мы вместе оказались в армии, где нас наспех обучили кое-как владеть тяжелыми боевыми копьями и... бросили в самое пекло Рандуноцвета.

– Поле Рандуноцвета... Святая Лосса... там погибли тысячи...

– Да, – кивнул я. – Тысячи с обеих сторон. Битва началась затемно и закончилась с закатом. Рубиновый Венец умылся кровью и позорно отступил. Сапфировая Корона победила.

– Ты оказался в числе победителей.

– Нет. Я пал от вражеских стрел в самом начале сражения. Даже не успел направить свое дрожащее копьё на несущуюся на нас кавалерию. Меня завалило другими телами, и все почернело перед глазами. Очнулся я уже ночью. Очнулся от боли в груди и от тяжести давящих на меня тел. Тогда я еще не знал, что трупы упавших на меня друзей спасли мне жизнь. Стоило мне с трудом приоткрыть один глаз – другой был залит засохшей кровью – и сквозь пальцы чьей-то свисающей у меня перед лицом мертвой руки я увидел их...

– Их? – сильга перешла на шепот, ее рука с пером замерла над страницей походного дневника.

– Приговоренных, – чтобы скрыть обуявшие меня чувства, я наклонился над чайником и потратил некоторое время на то, чтобы подбросить хвороста в угасающий огонь и добавить воды в опустевший чайник. – Понимаешь, сильга Анутта... палачи – великая редкость.

– Вас очень мало.

– А когда палач умирает или по старости или болезни уже не в силах продолжать свое дело... ему не сразу находится замена. Порой на это уходят долгие месяцы. А люди продолжают вершить страшные дела. Их ловят, приговаривают к пыткам и казни, заключают в тюрьму и... кормят их месяц, два, три... иногда полгода... Но это в городах. А вот в затерянных среди долин и лесов селениях никто не станет долго кормить дармоеда. Но и убивать его не будут – ибо грех. Никто не хочет угодить в огненную тьму Раффадулла. Поэтому, обычно в конце осени, когда сытые деньки подходят к концу и пора надеяться только на загодя сделанные припасы, этих приговоренных попросту изгоняют за околицу.

– Погоди... я слышала о таком. Их еще называют живыми мертвецами. Но они редкость.

– Обычно – редкость. Но в те темные дни разом исчезло сразу три палача. Какая-то странная история с пожаром, что разом унес три палаческие жизни. Одному-то палачу замену трудно сыскать. А когда исчезают сразу трое... – покачивая головой, я продолжил уже куда спокойней. – Когда я открыл глаз и взглянул на погруженное в темноту заваленное мертвыми телами поле брани, я увидел цепочку плывущих в ночи факелов, а под ними их – Приговоренных. Они обыскивали тела, забирая все ценное. Как оказалось, им просто повезло... Проигравшие отступили, позорно бросив своих умирающих и еще не успев заключить договор о перемирии, дабы спасти раненых и похоронить павших. Победители же были заняты тем же – переговорами. И пока две отошедшие от поля Рандуноцвета армии зализывали раны и переговаривались, Приговоренные решили урвать свое.

– Мародеры.

– И убийцы, – добавил я. – Придавленный телами, я лежал и глядел, как они убивали еще живых солдат. Но убивали не быстро... нет... они жгли их раны факелами, вытягивали и поджаривали на глазах несчастных их собственные внутренности...

– Ох...

– Да, – мрачно кивнул я. – А что им терять? Они приговорены к смерти. И приговора им не избежать – ибо выгнать их выгнали из родных селений, но по одному старинному и строго соблюдаемому закону пометили знаками Четырех Ран.

– Правый глаз, нос, правое ухо и правая ладонь.

– С такими метками куда пойдешь? Не примут ни в одно из селений. Убить не убьют, но попробуй приблизиться к домам – избьют страшно, отобьют все внутренности. Поэтому приговоренные калеки сбиваются в шайки, что затем становятся жестокими разбойничьими бандами. И пока не выйдет приказ о их поиске, пленении или уничтожении солдатами... они остаются безнаказанными. И в тот и без того черный день банда Приговоренных явилась на стонущее поле боя, чтобы пожить и... позабавиться. Мне повезло и не повезло – меня они не заметили, но зато заметили других израненных бедолаг так близко от меня, что я увидел, услышал и унюхал все самое страшное, – помолчав, я отставил опустевшую кружку и улыбнулся. – Лежа под мертвыми телами я поклялся, что если выживу, то стану палачом. Так и случилось. Меня отыскали с рассветом, когда Приговоренные уже скрылись в сырой чаще. Мои раны залечили, война закончилась в том последнем побоище, как и моя армейская служба. Я мог вернуться домой и жить обычной жизнью. Но своего решения я не изменил. Все было решено еще тогда. Мой палаческий путь начался посреди ночи на поле брани Рандуноцвета и продолжается по сию пору.

– Те жестокие твари...

– Я нашел каждого. Не все пали от моей руки, но все они давно мертвы.

– Ты пытал их?

– Да. Они умерли от пыток, – спокойно произнес я и взглянул на свои ладони. – Они умерли страшной смертью. Мужчины, женщины и даже старики. Осуждаешь?

– Осуждаю...

– Почему?

– Разве не может быть такого, что среди тех Приговоренных были сошедшие с ума? Душевная болезнь меняет людей, делает их жестокими, страшными...

– Может и так... может, сегодня я бы решил иначе. Но тогда я был молод, я потерял всех своих друзей в бессмысленной войне... и я был очень зол.

– Скорее твой страх смерти выродился в злобу... а ты не мог не бояться – если бы тебя нашли...

– Я был совсем мальчишкой, – улыбнулся я. – Конечно, я боялся. Я был полумертв от сковавшего меня страха.

– И ты вот так стал палачом? А как же умения?

– В этом мне помог ныне покойный престарелый палач, пребывающий на заслуженном покое. Я нашел его на лесной пасеке, – я прикрыл глаза, вспоминая тот пронизывающий испытывающий взор и сердитый голос. – Он жил отшельником и сразу прогнал меня прочь. Я умолил его выслушать мою историю. Просто выслушать, и – если он повторит свой приказ уйти – я уйду.

– Но он не повторил?

– Нет. Он сказал мне бросить пожитки в дальнем сарае и заняться починкой его прохудившейся крыши, – улыбнулся я. – Еще чаю, сильга Анутта?

Девушка отвечает не сразу, и приходится повторить, после чего она наконец поднимает на меня застывшие глаза и, медленно выплывая из собственных дум, кивает:

– Благодарю, палач Рург. Знаешь... сегодня я узнала тебя немного лучше...

– Чтобы человека на самом деле узнать, одних лишь вопросов не хватит, – глуховато ответил я. – Но, думаю, ты и сама это знаешь не хуже меня, странница.

– Глубина души людской безмерна и темна, – соглашается сильга. – Всего не разглядеть и за годы. Разве что нырнуть поглубже... но это как омут бурливой быстрой реки – может захлестнуть водой и утянуть на дно. И кто ведает, что за страшная рыба обитает в тех мутных водах...

Удивленно моргнув, я, с плеском наливая в чайник воду из треснутого глиняного кувшина, уточнил:

– Это ты о душе так?

– О ней, палач, – подтвердила сильга и зябко поежилась. – О ней.

Набравший силу дождь за мгновение превратился в грохочущий ливень с молниями, чьи зарницы высвечивали на миг утонувшие в сыром сумраке дальние рощицы у окраин полей. Травы и цветы пугливо прижались к земле, перепуганный стихией заяц, покинув убежище, стремглав мчался через поле, преследуемый собственным страхом и нашими взглядами.

– Омут реки бурливой, – повторил я и, хмыкнув, полез за заваркой. – Так вот и узнаешь каждый день что-нибудь новое...

Глава четвертая

Со старым Бутросом, что жил почти отшельником, сильга говорила не слишком долго. Но обычным этот разговор было не назвать. Уже на втором ответе старик заплакал, стащил с головы старую шапку, скомкал и, утирая ею слезы, быстро и сбивчиво заговорил, не сводя затуманенного влагой и воспоминаниями взгляда с мерцающего на ладони сильги крупного сероватого кристалла. А тот, будто тоже слушая, то и дело начинал мерцать ярче, словно в костер подбросили

охапку сухих веток, что горят быстро, жарко и недолго. Молодая девчонка со ставшим удивительно старым лицом задавала вопросы и внимательно выслушивала ответы. А закончив, подалась вперед и вдруг крепко обняла старого Бутроса, сдавила ему плечи, что-то зашептала на ухо. И старик заплакал в голос, навзрыд, всхлипывая, он обхватил сильгу за плечи и заревел как умирающее больное животное, исходя дрожью, выкрикивая имена давно умерших членов семьи.

Ливень давно закончился, все разъехались, и под навесом кроме нас не осталось никого. Судя по сильге, ей было привычно подобное проявление чувств от уже седых стариков. Да и для меня тут не было ничего нового – сколько уже раз приходилось мне смотреть в почерневшие от горя глаза седых бабушек, что били меня сучковатыми клюками по плечам и выли в голос, стараясь не подпустить палача-убийцу к порогу, за которым ждут своей участи их приговоренные к смертной казни внуки. Но я никогда не оставался равнодушным, и еще многие дни после казни мне виделись перед сном взгляды на моих глазах умирающих от горя людей. Сейчас же я испытал... облегчение. Большое и сильное облегчение. И я почему-то был готов поспорить, что старый Бутрос испытал то же самое чувство – но в разы сильнее.

В дни странствий по лесным тропам мне довелось видеть, как от сильного порыва осеннего ветра только что багровевшие деревья вдруг разом теряют всю листву. Вот и Бутрос, как изогнутое ветрами и вечной погоней за солнечным светом старое усталое дерево, наконец-то сбросил такую тяжелую умершую листву со своих стонущих ветвей...

Я уже седлал лошадь, когда бесшумно подошедшая сильга остановилась рядом и, вытянув руку, поймала в ладонь несколько искрящихся в лучах заходящего солнца сорвавшихся с навеса капель.

– Теперь ему станет легче, – заметила она, с преувеличенным вниманием разглядывая три медленно стекающие воедино капли. – Может, он даже вернется в родное селение. Поздновато для начала новой жизни с новой семьей, но добрая поддержка старых друзей пойдет ему на пользу.

– Лучше сидеть на солнечной завалинке с кем-то, чем одному, – согласился я, выводя лошадь из-под навеса и оглядывая мрачноватый старый амбар с примыкающей к нему ригой. – Ты сделала доброе дело.

– Так ты понял?

– Что вместе со слезами он потерял и немного старого горя? – улыбнулся я. – Не видел, но... почувствовал. Ты словно вскрыла старый нарыв с заскорузлой коркой и выпустила больную кровь.

Сильга с облегчением улыбнулась в ответ:

– Рада, что ты понял правильно. Мы, сильги, часто заставляем людей плакать, и многие думают, что мы злые насмешницы, что любят забавы ради ворошить давно остывшую золу на пепелищах горя...

– Я не из таких.

– Тот бродячий торговец, что убил несчастную семью Бутроса – где он?

– Как я и говорил – казнен.

– Казнен, – с кивком повторила девушка и, поймав несколько красных нитей в руку, начала задумчиво наматывать их на палец. – Это я помню. Но где он?

– Он? Останки?

– Да. Тело казненного. Ты говорил, что догадываешься, где могло упокоиться его тело. Подскажешь?

Кивнув, я развернулся и взглянул на неподвижно сидящего на старом бревне Бутроса, пододвинувшего ноги к остывающей глиняной печурке. Подставив морщинистое лицо затухающему свету, старик едва заметно улыбался.

– Подскажу, – ответил я наконец и одним мягким движением поднял себя в седло. – Если пойму, что это действительно необходимо.

Усевшись следом за мной в седло, сильга первой ткнула лошадь в бок и двинулась к покрытой лужами дороге, неспешно поправляя длинную накидку, что скрыла ее ноги до голеней. Я последовал ее примеру и расправил плащ. Будет жарковато, зато уберегу одежду от пятен грязи, что летит ошметками из-

под колес встречных повозок.

– Мне надо осмотреть тело казненного бродячего торговца, палач Рург.

– Это я и так понял. Но для чего?

– Возможно, убивал не сам торговец.

– А кто же? Он сам признался. А старый Бутрос – выживший свидетель.

– Нет-нет, я не говорю, что другие руки держали топор. Но душа торговца... его разум... возможно, они были порабощены.

От ставшего более низким и хриловатым голоса сильги меня не пробрала дрожь, но вот ленивая сонная дрема ушла мгновенно. Подобравшись в седле, подавшись вперед и заставив коня двигаться чуть быстрее, с плеском окуная копыта в мутные лужи, я спросил:

– Порабощены кем?

– Кхтуном, – доверительно сообщила мне девушка.

Я пытался сдержаться. Но не получилось и, скрючившись, зажав рот ладонью, я испустил приглушенный хрюкающий смешок.

– Ты нашел в моих словах что-то смешное, палач Рург? – голос сильги резко похолодел, сама же она негодуяще выпрямилась, уставилась на меня сердитыми глазами. – Что так развеселило тебя в моих словах, Нагой Убийца?

Как назло, навстречу нам трясся в седле почтовый курьер в длинном кожаном плаще, что услышал окончание последней фразы и изумленно вытаращился на меня, уже открывая рот для насмешки или вопроса. Но тут с его сонных глаз спала пелена, он увидел красные отметины на моем плаще, зацепился взглядом за красную рукоять топора и... со щелчком зубов захлопнув рот, поспешно пришпорил лошадь и разминулся с нами в гробовом молчании.

– Прошу, не называй меня так, – мягко улыбнулся я.

- Прошу, не смейся надо мной! – парировала сильга Анутта.

- Я смеялся не над тобой, – возразил я. – Но... кхтун?

- Кхтун!

- Они существуют на самом деле?

- Еще как существуют! И поверь – в них нет ничего смешного!

- М-да, – осторожно произнес я, стараясь не рассердить вспыхнувшую девушку еще сильнее. – Вот так детские сказки становятся былью.

- Скорее детские страшилки... – уже не столь зло пробурчала девушка. – Прошу прощения за мое негодование, палач Рург. Ты имеешь право смеяться.

- Кхтун... – повторил я. – Впервые я услышал о нем в самом юном возрасте. В самом пугливом возрасте... Меня стращал ими отец, говоря, что после заката не стоит выходить за дверь, если я не хочу стать добычей кхтуна.

- И он был прав! А еще нельзя долго любоваться отблеском закатного света в оконном стекле. Ну и уж точно нельзя вглядываться в свое отражение во льду. Кхтуны слабы. Взрослого им не одолеть. А вот детские открытые души – лакомый для них кусочек. Не сосчитать, сколько несчастных детей сошли с ума только потому, что излишне долго вглядывались в темный лед, который сковал за ночь бочку с дождевой водой. Любопытство и жажда познания окружающего мира порой опасны... Еще кхтуна можно случайно пронести через порог внутри гнилого полена или снежка...

- Глядя на твою серьезность... я понимаю, что ты говоришь это не забавы ради. Но... сильга Анутта, я прожил немало зим и ни разу не слышал, чтобы кто-то был поработан... кхтуном.

- Я слышу нотки веселья в твоем голосе! – девушка снова начинала злиться.

– Все так – я с трудом сдерживаю глупый смех, – признался я. – Но представь себя на моем месте! Кхтун? Порабощенные души? Почему об этом никто никогда не слышал?

– Еще как слышали! Просто с тех страшных времен, когда кхтуны покоряли своей злой волей целые людские селения, миновали тысячи лет! Мы научились бороться. Ты ведь знаешь о приходящих раз в год служительницах Лоссы?

– Ритуал Чистосвета.

– Он самый.

– Кто не знает о нем? Сестры Лоссы с песнопениями проходят по селениям, неся над собой огромные глэвсы. Это красиво, – я прикрыл глаза, погружаясь в детские воспоминания. – Очень красиво и загадочно. Мы с друзьями делали все, чтобы только поймать лицом или хотя бы кончиком пальца цветной солнечный зайчик глэвса...

– А был ли кто-то из твоих друзей, кто избегал принимать участие в празднике Чистосвета? – прищурилась сильга, повернувшись в седле. – Кто-то не хотевший бегать за цветными солнечными зайчиками...

– Все мы носились как оглашенные, стремясь поспеть за медленно плывущими по улицам глэвсами, что поднимались на шестах над головами торжественной процессии, – рассмеялся я. – Мы так старались опередить соседских детишек... сколько раз мы разбивали себе носы и колени о стены или лошадиные стремяна, когда, задрвав головы, мчались по улицам... Мы с друзьями изнемогали от желания быть первыми, кто дотянется до... – осекшись, я уставился перед собой в пустоту, потянул за поводья, останавливая Нарлу. – Киврил.

– Киврил? Южное долинное имя.

– Он и был родом с южных долин, – кивнул я. – Он был младше меня на полгода. И мы были очень похожи – так похожи, что нас часто путали. Мы не знали устали в наших проказах. Но в день Чистосвета Киврил всегда держался подальше от процессий, музыки и солнечных зайчиков. Чаще всего он вообще не выходил из своей комнаты, и прямо сейчас я вспомнил, что однажды видел его в один из таких дней. В погоне за большим зеленым солнечным пятнышком я забрался на

высокое дерево, прилепнул ладонью ползущий по коре отблеск, повернул голову и увидел его...

– Что он делал?

– Я увидел его через окно, – ответил я, проговаривая каждое слово очень медленно, заново осмысливая свои воспоминания. – Он, закутанный в содранную с постели простыню, был в своей комнате и вжимался лицом в угол задней стены. Подо мной треснула ветка, и он обернулся. Я увидел его лицо – очень испуганное искаженное лицо с раскрытым в ужасе ртом. Тут мальчишки снизу завопили, и я поспешил к ним.

– Кхтун! – сильга произнесла это слово с абсолютной убежденностью. – Никаких сомнений!

– Погоди... я ведь тогда не забыл увиденного. И в тот же вечер, когда сестры Лоссы покинули наш городок, отыскал Киврила и спросил, для чего он кутался в простыню и вжимался в угол. Киврил сказал, что они с отцом играли в «затаиска». И я поверил. Его отец был там же и все подтвердил. Они как раз вскрывали с соседями праздничный бочонок пива по случаю очищения городка...

– Еще один кхтун! Малое гнездо тварей! Они всегда покрывают друг друга. Вспомни – видел ли ты хоть раз отца Киврила в толпе рядом с процессией в честь Чистосвета.

– Нет, – уверенно произнес я. – Но я никогда и не искал лица взрослых. Для нас они были мрачными громадинами, пахнувшими пивом и табаком.

– Где сейчас семья Киврила?

– На следующий год после того события они вдруг уехали, – отозвался я, опять погружаясь в воспоминания. – За неделю до Чистосвета.

– Что-то особенное должно было случиться в тот год?

– О да – к нам проездом пожаловала одна из святых стариц Лоссы, причем уроженка нашего городка. Все знали об этом загодя. Мэр с ног сбился, стремясь

не ударить лицом в грязь. Столы ломились от еды! В сточных канавах было не отыскать и ложки помоев.

- Вот и ответ... любая из старших сестер, а уж тем более из святых стариц, сразу почуяла бы темный запах кхтунов!

- Кхтуны? - повторил я.

- Кхтуны, - подтвердила сильга.

Я ненадолго замолчал, освежая в памяти все, что когда-то слышал о кхтунах. Зыбкие безголосые тени, что обитали на болотах, в темных сырых чащах и стоячих гниловатых водах. Дай им шанс - и они совьют гнездо у тебя в сердце. А затем станут тебе нашептывать всякое разное, одновременно оскверняя твою чистую душу и тем самым закрывая ей путь в светлое посмертье. Но это ведь всего лишь сказка...

- Зачем тебе тело казненного торговца, сильга Анутта?

- Кхтун всегда оставляет след, - ответила девушка. - Или еще хуже.

- Еще хуже?

- Кхтуны любят влажную гнилость, - тихо пояснила Анутта. - Очень любят. А еще они любят поспать.

Я сразу понял ее намек.

- Кхтун все еще может оставаться внутри искалеченного мертвого тела?

- Может. Если уже не нашел себе нового раба... Так ты знаешь, где мертвое тело?

- Его казнили в Буллерейле, - ответил я. - Мы будем там завтра к вечеру, если погода опять не испортится, а в дороге не встретится помех. К северу от этого городка находятся Скотные Ямы. Там со всех окрестностей захоранивают павший скот, домашних любимцев и тела особо мерзких преступников.

- Вместе со скотом?!

- Нет... - я качнул головой. - Насколько я слышал, там на склоне есть небольшая отдельная пещерка, которую отвели под общий могильный склеп для казненных. Безымянные ниши, заложенные кусками скрепленного известью природного камня.

- Безымянные?

- Нам надо будет поговорить с Нимродом, - вздохнул я. - Он подскажет, кто где лежит, если захочет с нами поговорить.

- А кто он?

- Еще один одиночка - мрачный и нелюдимый. Он приглядывает за Скотными Ямами Буллереяла.

- А почему он может не захотеть с нами поговорить?

- Потому как затаил на меня давнюю обиду, - испустив еще один вздох, я почесал лоб и опять уронил руку на луку седла. - Будем надеяться, что обида уже не столь глубока...

К вечеру нам повезло остановиться у достаточно радушного селянина, что позволил нам разместиться в пустующем сарае. Приземистое крепкое строение с выложенной зеленым дерном крышей удивительно сильно напоминало возведшего его хозяина - невысокого, плечистого, с крупными мозолистыми руками нестарого еще мужчину, чьи предки некогда пришли в эти края с плодородной, но каменистой земли, могущей похвастаться не только богатыми урожаями, но и страшными снежными бурями.

Сменились поколения, появились и разрослись деревенские кладбища, а работы не убавилось - здешняя земля каждую весну выталкивает на поверхность все новые и новые камни, а порой и немалых размеров глыбы, которые приходится окапывать, раскалывать и вывозить кусками. Одно хорошо - хватало материала для искусно сложенных каменных стен, что тянулись вдоль дорог, отгораживая

пастбища и поля. Здешний люд ценит каждую пядь с таким трудом возделываемой земли и бдительно следит как за исправностью стен, так и затем, чтобы по их полям не шлялся абы кто. Стоило нам задержаться у жердяных ворот, и хозяин крепким основательным грибом вдруг вырос по другую их сторону. Молча выслушал, коротко кивнул, ткнул рукой в сарай и ушел, пробурчав почти невнятно о том, что лошадей можно без боязни пустить пастись – в нынешнем году это огороженное поле отдыхает незасеянным.

Вскоре немного испуганный паренек, что был чуть менее бородатой и крупной копией своего отца, принес нам большой кувшин с молоком и стопку завернутых в чистое полотенце сладковатых тонких ржаных лепешек. Он же показал, как пробраться к бегущему меж двух межевых стен ручью с небольшой запрудой, после чего ушел, то и дело оглядываясь. И должен признаться, я не был удивлен, видя, что пугливый любопытный взгляд паренька был направлен только на сильгу, которая как раз стащила куртку и выхлопывала ее об угол сарая. Юношу можно понять – судя по отчаянно полыхающим ушам и щекам, по стыдливо метнувшимся к штанам ладоням и ускорившейся походке, он впервые в жизни увидел девку в мужской и местами облегающей одежде. А тут еще девушка молода, красива и качает гибким станом из стороны в сторону, колотя пыльной курткой по торцам бревен... как тут не смутиться... Усмехнувшись, я занялся тем же самым – выколачиванием мелкой дорожной пыли. Я не торопился, по опыту зная, что еще долго буду возиться с лошадьми и пожитками, в то время как над разведенным костерком начнет тихонько булькать вечерняя каша, первая ложкой которой отправится в рот, когда над головой развернется волшебное звездное покрывало...

* * *

Скотные Ямы лежали в туманных низинах к востоку от Буллереяла. Отходя от восточного тракта, к Ямам вела однокорейная каменистая тропа, что вполне подходила для повозок с высокими крепкими колесами, чьи обода были окованы железом. Дощатые борта скрывали содержимое, но не могли скрыть запаха разложения, поэтому перевозящие павший скот и отходы повозки отправлялись из города только с приходом ночной темноты, оставляя за собой незримый длинный шлейф вони. Покидая Буллереял, держась обочины, освещаемые шестами с масляными фонарями, они добивались до идущей вниз пологой тропы и тут же тонули во влажном густом тумане, что, казалось, был здесь всегда.

Я был в Ямах лишь однажды – около трех лет назад. Дело было ясным днем, но стоило мне углубиться в большое редколесье, где невольно чудилось, что из-за каждого дерева с черной отслаивающейся лохмами корой за тобой кто-то наблюдает, меня окутал густой холодный туман. Я хорошо запомнил то место и посему сделал все, чтобы ускорить свой обычно размеренный палаческий путь, а кое-где даже срезал его по узким лесным тропам. Благодаря этому мы оказались на каменистой тропе задолго до заката, но даже это не спасло нас от потянувшихся навстречу языков удивительно холодного лесного тумана, что пугливо стелился над высокой травой. А я надеялся, что в эти еще теплые сухие деньки тумана здесь не будет...

Поежившаяся сильга Анутта невольно придержала лошадь и, приподнявшись в седле, попыталась что-то разглядеть в серо-черном мареве. Белесый туман облизывал лошадиные копыта, словно пробуя их на вкус, и заодно пытался дотянуться до стремян. И дернувшаяся нога Анутты на миг поджалась, пугливо уходя от тянущихся к ней дымных языков. Девушка сердито зашипела, упрямо выпрямилась и, бросив на меня быстрый взгляд, отвернулась, преувеличенно внимательно разглядывая удивительно ровные ряды умерших деревьев.

– Деревья были посажены? – ее голос едва заметно дрогнул.

– Еще есть время передумать, – спокойно произнес я, проигнорировав ее вопрос. – Так мы избежим несущего болезнь тумана и вони разложения.

– Почему я вдруг должна передумать?

На этот раз ей удалось сохранить голос ровным, но я не обманулся.

– Это место мало кому придется по душе, – ответил я, милосердно отворачиваясь и опуская взгляд на выпирающие из земли толстые змеящиеся корни. – Здесь скользко, мрачно и туманно...

– Туман пугает меня, – призналась Анутта и, испустив долгий выдох, уже куда спокойней спросила: – А чего боишься ты, палач Рург? Ты ведь тоже не хочешь спускаться туда... в туман.

– Уж точно не тумана, – улыбнулся я. – И я не боюсь. Просто... не хочу встречаться с Нимродом Вороном. Совсем не хочу.

- Почему?

- У него большая обида на меня. Справедливая обида, - вздохнул я и, по лицу сильги поняв, что она все равно не отступит от своего решения, принялся затягивать потуже горловую пряжку плаща. - Я пытался искупить свою вину, но у меня не получилось. Последний раз я был здесь три года назад и ушел ни с чем, стряхивая с одежды куски брошенных в меня чьих-то гнилых кишок. Год назад я намеревался попробовать еще раз. Но... проехал мимо, так и не решившись последовать этой тропой. И, честно говоря, узнав, что ты хочешь спуститься сюда, в Скотные Ямы Нимрода, понял, что от судьбы не убежать...

- Ты веришь в судьбу?

- Иногда, - усмехнулся я. - Выбирай же, сильга Анутта. Мы спускаемся к Ямам? Или же возвращаемся к тракту?

- Выбирать? Порой ты слушаешь невнимательно, палач Рург. Ведь я уже говорила - сильги лишены такой роскоши, как право выбора. Если есть даже зыбкое подозрение, что тот торговец-убийца был одержим кхтуном... то мой путь лежит в Скотные Ямы.

- Но подозрений пока нет, - возразил я, втягивая носом воздух и убеждаясь, что даже спустя годы здешние ароматы остались прежними. Влажный воздух напитан запахом прелых трав, мокрой коры и едва заметной вонью гниющей плоти. - Ты знаешь эти историю с моих слов.

- Не думаю, что ты солгал хотя бы в слове.

- Я не лгал. Но, в свою очередь, я услышал эту историю от других. А те от третьих... Истина искажена. И поверь, я как палач могу тебя уверить - мне часто приходится обрывать жизни обычных мирных людей, что выпили лишнего и сотворили страшное... кто знает - быть может, торговца обуяла похоть, а может он решил, что его обокрали... Знаю я и того, кто убил товарища, решив, что тот специально привязал его лошадь под яблоней.

- Ох... она объелась паданцами?

– Подмела все подчистую вместе с гнилью, – кивнул я. – И умерла в мучениях. А владелец взялся за нож...

– Понимаю твои доводы, палач Рург. Но тебе не удалось скрыть свое любопытство. Признайся – ведь тебе интересно?

Помедлив, я кивнул и широко улыбнулся:

– Кхтуны? Одержимость? Я был бы лжецом, сказав, что меня не гложет любопытство. Мне любопытно настолько, что я готов выдержать еще одну встречу с Нимродом. Но...

– Еще одно «но», палач Рург?

– Нимрод ненавидит меня, – вздохнул я. – И ему действительно есть в чем меня обвинить. Если ты явишься одна и попросишь – он не откажет в помощи. Но если ты придешь в компании со мной, его обидчиком...

– Обидчиком?

– Давняя история, что случилась чуть больше трех лет назад. Боюсь, что Нимрод Стальной Клюв не станет помогать той, кто путешествует с палачом.

– Так он не любит тебя или всех палачей?

– Кто любит палачей?

– Это не ответ.

– Нимрод Клюв не любит всех палачей. А меня он ненавидит.

– Сколько прозвищ – и ни одно не могу назвать лестным. За что его так?

– Внешность, – коротко ответил я и с очередным вздохом добавил: – У него много обидных прозвищ. Люди любят клеймить даже невиновных ни в чем кроме своей горестной участи.

– Какие глубокие слова для убийцы... хм...

Чуть подумав, сильга решительно кивнула, убрала волосы под капюшон и ткнула лошадь пятками:

– Я все же рискну.

– Что ж, – усмехнулся я. – Я предупреждал...

Осторожно продвигаясь, мы углубились в мрачное редколесье и начали спускаться по узкой каменистой тропе, что то и дело сворачивала, обегая вздымающиеся из земли поросшие травой валуны, от которых вверх тянулись почти заросшие уже глубокие борозды. Видя, что сильга то и дело вздрагивает, когда к ее ногам словно живые тянутся плети тумана, я медленно и спокойно заговорил так, как палаческая жизнь научила меня разговаривать с теми из приговоренных, кто хотел достойно встретить свою участь и взойти на эшафот своими ногами и лично положить голову на плаху. Разум хочет... а перепуганное тело подчиняться не желает. Ноги подгибаются, с губ срывается позорный визг, пальцы сами собой цепляются за решетку или ноги пришедшего за твоей жизнью палача...

С такими, видя их старания, я не спешу. Бывает, усаживаюсь, без нужды неспешно осматриваю или точу топор, давая жертве привыкнуть к виду инструмента, что отсечет остаток отпущенных ему дней. Но главное – я разговариваю. Мерно роняю слова, спрашиваю о рецептах его родины, как скоро там приходит осень и охотно ли отступает зима. Хотя чаще всего я просто рассказываю какую-нибудь историю или вспоминаю о прошлом того или иного городка. Сейчас вот для сильгиного успокоения я вспоминал все мне известное о Скотных Ямах Буллерейла.

Сам же я узнал о Ямах несколько лет назад – после своего последнего неудачного визита. Более чем впечатленный увиденным, я вернулся в город и, пока работница постоялого двора Медный Шиповник за немалые деньги отстирывала от моего плаща воняющие пятна, за кружкой пива успел выслушать немало о Ямах. Вот ведь удивительно – люди обычно боятся разговаривать с палачом и держатся подальше от грешников, что осквернили себя грехом смертоубийства. Но стоило мне спросить о Ямах, как я оказался в тесном кольце подвыпивших местных, что нарасказывали такого...

Еще триста лет назад здесь был здоровый прекрасный лес, что был частью обширных владений тнектора Тарадия Фонр, что первым из своего рода стал губернатором Буллереяла. Лес был полон живности, тщательно оберегался егерями, что никогда не лютовали над простым людом, позволяя грамотно прореживать деревья, забирать хворост, корчевать пни и собирать грибы, ягоды и травы. Охотиться – уже нет. Только для дворян. Всегда успешные охоты проводились здесь регулярно, имелись и охотничьи домики, где по слухам представители рода Фонр предавались похоти с молоденькими селянками. В общем – все как всегда и есть чему позавидовать. Но это лишь прелюдия. И единственное, что я узнал из нее важного – в ту пору лес находился пусть на небольшой, но все же возвышенности.

И что с того?

А ничего. Вот только потом лес вдруг оказался долинным, а еще через столетие все уже говорили о лесе низинном и куда более влажном и... не слишком уж и здоровом. Тут появилась гниль. Многие травы исчезли, зато поперли грибы. Люди приспособились, охот стало меньше – крупная живность предпочла уйти в более сухие места. Лес же продолжал... опускаться. И наконец еще через век он окончательно захирел, большая часть деревьев погибла и была вырублена, а на их место род Фонр принялся высаживать тополя и вязы в надежде, что они осушат почву. Тогда же начали было копать сеть отводных канав, но вскоре забросили это дело – вода вверх по склону не потечет. Высаженные деревья не принялись, местность давно уже никто не называл лесом, охоты исчезли вместе с егерями, а редкие грибники порой возвращались перепуганными. Все дело в том, что земля начала обрушиваться целыми длинными пластами, вместе с деревьями и вылезавшими из толщи валунами медленно сдвигаясь вниз. И куда все девалось? Там давно должна была образоваться гора, но до самой середины вся сползшая почва так и не дошла, исчезнув где-то на полпути. Зато туда доходила пока еще целая каменистая тропа – видать, потому и уцелела, что камней здесь больше чем земли – и упиралась в то, что называли Скотными Ямами. Ими они и являлись – несколько наполовину заполненных жидкой грязью провалов в земле. Туда и скидывали павший скот, сливали помои. Неподалеку был участок посуше, и его использовали под чудное место – кладбище для домашних любимцев, но никто не знает, почему появилась у окрестного люда вдруг такая причуда. Сами они сюда обычно не тащились, передавая сверток с помершим любимцем золотарям, и те добросовестно выполняли поручение.

Землями по-прежнему владел род Фонр, он же и платил тому, кто обитал здесь постоянно и приглядывал как за порядком, так и затем, чтобы повозки приходили каждую ночь и не отправляли в провалы вместе с помоями убиенные человеческие тела или нежеланных младенцев – было уже такое дело не раз. Род Фонр платил присматривающему не добротства ради – ему в свою очередь платила казна за такое вот использование их родовых земель. Был лес – приносил деньги и немалые. Превратился в Ямы с грязью – опять же приносит какую-никакую монету.

Почему все так произошло? Тут мнения сходятся – под бывшим лесом жадное подземное болото. Оно-то и проглатывает потихоньку то, что осталось от низины. Скоро и этого не останется – все будет пожрано болотом, что жаждет вырваться из-под давящей его землицы. Так если дело пойдет, может, однажды и сам Буллереил скатится по склону в болото...

Почему меня так заинтересовало это место? Да потому что никогда прежде не приходилось мне бывать в месте столь неприветливом и угрюмом. И не каждый день услышишь о том, как гора превращается в яму, а светлый верховой лес в темную сырую низину. Есть над чем подумать во время долгих одиноких путешествий. Есть на что отвлечься.

Вот и сильга, глубоко погружившись в историю, перестала пугливо вздрагивать и жадно ловила каждое мое слово, в то время как ее рука то и дело касалась кожаной промасленной сумки, где, похоже, хранились главные ее сокровища, включая книгу для записей. Мне бы стоило продолжить свою почти убаюкивающую речь, но я замолк и мягко взялся за рукоять меча, что свисал с седла, выставляя напоказ красные ножны палача. Это движение не укрылось от взора девушки, и она мгновенно последовала моему примеру, взявшись за оружие, но пока не став доставать его из ножен.

– Что?

Короткий правильный вопрос выдавал в ней опытную путешественницу, что не раз встречалась с дорожными опасностями, будь то оголодалые звери или разбойники.

Я отозвался не сразу, медленно скользя взором по то появляющимся, то снова скрывающимся в зыбком тумане мокрым деревьям. На их почернелой

подгнившей коре мне чудились искаженные в ухмылках рожи с глазами-дырами. Но это лишь обман зрения, и я легко отмахнулся от иллюзий, порождаемых собственным страхом. Да. Я испугался. Испугался разом, так же разом вопреку под курткой и плащом. По моей спине скатывались тяжелые капли пота, а я, убирая руку от меча, уже тихо успокаивающе улыбался:

- Почудилось.

- Почудилось что? - напряжение из голоса сильги не исчезло, равно как и колкие льдинки страха, что поселились на дне ее зеленых глаз, сверливших мне переносицу.

Меня вдруг окатило еще одной горячей волной - смешением стыда и первых всплесков праведного негодования:

- Не подумала ли ты, что я взялся за меч...

Рассмеявшись, она тряхнула головой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dem-mihaylov/besedy-palacha-i-sil-gi>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)